

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ**

Выпуск 3

Москва 2011

Коллектив авторов

**Труды по
россиеведению. Выпуск 3**

«Агентство научных изданий»

2011

ББК 63.3(2)

Коллектив авторов

Труды по россиеведению. Выпуск 3 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2011

ISBN 978-5-248-00640-3

Основная тема выпуска – социальная свобода и реформаторство в России. Российские и зарубежные исследователи пытаются понять, какое место эта проблема занимает в отечественной истории, как она решается современным обществом. С этим связаны и малоизвестные работы мыслителей прошлого, опубликованные в «Трудах». В издание также вошли материалы семинара, проведенного Центром россиеведения ИНИОН РАН в 2010 г. Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-248-00640-3

© Коллектив авторов, 2011

© Агентство научных изданий, 2011

Содержание

От редактора	5
Россия в зеркале русской поэзии	9
Современная Россия	20
Русское настоящее и советское прошлое	20
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Труды по россиеведению. Выпуск 3. 2011

От редактора

Настоящий выпуск «Трудов по россиеведению» строится вокруг двух блоков проблем:

- свобода и реформаторство в России – история и современные перспективы;
- Отечественная война 1941–1945 гг. как историческое явление и «место памяти» советского и постсоветского обществ.

Нам представляется, что именно эти проблемы формируют «повестку дня» России 2010-х. Являясь основой социальной идентификации, они не только консолидируют, но и разделяют: это своеобразные линии размежевания/раскола российского общества.

В материалах сборника акцентируется связь тем свободы и войны/ памяти, на первый взгляд, весьма друг от друга далеких. Самоопределяясь в их отношении, российское общество формирует собственные перспективы: будет ли оно конституироваться на принципах личной ответственности и правового регулирования или «уложится» в рамки традиционной формулы «самодержавие – православие – советскость/народность» и соответствием ей станет измерять собственную стабильность/успешность.

Разговор о свободе требует предварительного пояснения. Свобода/несвобода – вовсе не абстрактные категории. Говоря о социальной свободе, мы имеем в виду расширение зоны личной ответственности, обеспеченной правом. При этом речь идет о всех сферах жизни общества – экономике, политике, культуре и т.д. Свобода – это не вольница, а правовой порядок, где социальная жизнь регулируется правом (а не через иные формы – религиозные или властно-насильнические), установлено правовое равенство (все являются равными правосубъектами) и правовая однородность (действует одна для всех правовая система). Залог свободы – наличие свободы выбора. Организация общественной жизни на началах свободы предполагает достаточный уровень экономического развития.

Социальная несвобода, в нашем представлении, это расширение табуизированной зоны, где действует система автоматических табу/запретов, обеспеченная произволом. Несвобода – всегда насилие (одного над всеми или всех над одним), т.е. отрицание договора/компромисса как принципа социального регулирования, а значит, и разнообразия общественных интересов; всегда неравенство («держатели» несвободы приобретают преимущества в разных социальных сферах, распределение/иерархия которых в любой момент могут быть поставлены под сомнение и пересмотрены); всегда ограничение выбора, отказ от личной ответственности и нейтрализация правовых норм (Конституция в несвободном обществе не работает – ей нечего обеспечивать, так как не действует правопорядок; «управляют» правом в своих интересах те, кто обладает социальными преимуществами); всегда упрощение (социальное, управленческое, культурное, антропологическое и т.п.) – вплоть до элементаризации; всегда тяготение к закрытости – закрытому типу отношений, институтов и проч.

При этом в условиях несвободы можно чувствовать себя вполне комфортно: здесь сняты темы индивидуальной инициативы и ответственности, но действенны формы коллективного взаимодействия и защиты, а порядок достигается почти автоматическим, как в армии или тюрьме, следованием нормам господства/подчинения, общего жизненного распорядка (показательно, что одна из определяющих черт советского человека – ожидание установки «сверху»). Свобода же, связанная с постоянным, подчас сложным выбором, рождает чувства страха и неуверенности. Движение от несвободы к свободе – глубокий преобразующий процесс, который не ограничивается созданием институтов, подготовкой судей, изданием юридических тек-

стов, оснащением судов и полиции современными техническими средствами. Это прежде всего сложная культурно-ментальная перестройка.

В настоящем выпуске «Трудов по руссиеведению» делается попытка рассмотреть тему свободы в России ретроспективно, причем как в историософском, так и в конкретно-историческом отношении. В работах Ю.С. Пивоварова и В.П. Булдакова прошлое выступает своеобразной призмой для анализа современной российской жизни, «исходной площадкой» для обсуждения социальных перспектив. Их дополняют материалы рубрики «Наследие – наследникам», посвященные проблеме конституционализма в пореформенной России. Современная ситуация в стране придает этой «ретроспекции» неожиданно острую актуальность.

История освоения Россией темы свободы – это рассказ о том, как формируется современное, т.е. построенное на началах свободы и взаимной ответственности, общество. Вариантов такого рассказа, как показывают материалы выпуска, может быть множество. Весьма перспективным представляется изучение истории понятия «свобода» («воля»/«вольность») – скажем, в политико-правовом дискурсе XVII–XVIII вв. (см. статью А.Б. Каменского). Такого рода исследования вносят определенность в общий разговор о России: проблема категорий/языка, на котором мы говорим, – это проблема адекватности/качества разговора. В работах В.В. Лапкина, С.В. Беспалова, В. Дённингхауса тема свободы конкретизируется через анализ «механизмов» великих реформ конца XIX – начала XX в. Из тех вопросов, которые поднимают авторы, особое значение имеют, на наш взгляд, следующие: об ответственности элит – инициаторов преобразований и характере адаптации к ним массового человека (в данном случае – российского крестьянина; отсюда такое внимание к аграрной реформе); о росте в обществе в ответ на эмансипационную «перестройку» потенциала несвободы и возможностях его компенсации/сдерживания; о критериях оценки прошлых реформ каждой новой современностью (иначе говоря, об основаниях различения «неудачников» и «героев» в истории страны).

О последнем вопросе скажем несколько слов. Эпоха трех последних царствований – не только ее люди, но и тенденции, в ней действовавшие, – имеет едва ли не самую устойчивую в нашей истории репутацию неудачной. Реформы/перемены рубежа XIX–XX вв. дискредитировала революция. Почти все XX столетие взгляд на то время формировали «победители» (те, кто воспользовался «неудачей»), а также те, кто числил (и числит) себя среди пострадавших от «исторического поражения». «Победители» и «пострадавшие» выносят эпохе обвинительный вердикт, одинаково оценивая ее в «перспективе» конца. Позднеимперское реформаторство не признано «нашим» (подходящим/адекватным данному типу социума и потому результативным) типом преобразований; мы по-прежнему ищем «великих реформаторов»/«героев» в начале XVIII или в середине XX в. Правда, современные исследователи уже не только объясняют, оперируя фактами, как эпоха шла к гибели, но и пытаются понять, каким образом она эволюционировала и с чем не справилась, на чем надломилась. Однако освободиться от убеждения в предопределенности (исторической закономерности) неудачи не могут. Здесь, как мне кажется, работает наш опыт – концентрированный, страшный, навязчивый опыт несвободы, сформировавший русского человека XX–XXI вв.

Собственно, в конце XIX – начале XX в. решалось, на каких основаниях будет строиться массовое общество в России. История становления советского общества – это история того, как исключить свободу практически из всех сфер человеческих отношений, задавить архаикой те культурно-ментальные вызовы, которые принесла с собой современность. Большую часть XX столетия русско-советский человек прожил в условиях несвободы (хотя, конечно, и в советской системе присутствовали какие-то элементы выбора, какие-то альтернативы). Это отучило его от личной ответственности, самоуправления и самоорганизации (в смысле не только социальном, но и индивидуальном – даже по отношению к самому себе). По своим доминирующим культурно-ментальным параметрам постсоветский человек – человек несвободный. Это проявляется не только в равнодушии к проблеме политических прав и их реализации. Для нашего

массового человека, к примеру, «нормативным» является государство как распределяющая («дающая», «кормящая»), контролирующая и «поучающая» (воспитательная) инстанция. Ему крайне дискомфортно в условиях «ухода» такого государства, сворачивания им социальных обязательств – он чувствует себя одиноким, брошенным, «лишенцем». Здесь разгадка крайне противоречивых, необъяснимых с точки зрения обычной логики его отношений с современным государством.

Несмотря на давление опыта несвободы, во второй половине XX в. наше общество накопило массовый эмансипационный потенциал. Отчасти он реализовался в перестройку и, как бы ее ни оценивать, был ею подпитан. Этот потенциал неизбежно будет искать возможности для дальнейшей реализации. Иначе говоря, наше общество попытается освоить имеющиеся свободы и нарастить их объем. Это, в свою очередь, потребует выработки в отношении него более сложных управленческих решений. Однако в целом современная Россия – формально свободная страна, которую «держит» память недавнего рабства. Сейчас именно это – главный барьер на пути появления в ней массового свободного человека, субъекта социальных преобразований/развития, и свободного общества.

Русский опыт несвободы так или иначе анализируется во многих материалах выпуска. Это главная тема рубрики «Взгляд со стороны», в которой рассматриваются современные зарубежные исследования по истории сталинского СССР (рефераты О.В. Большаковой). По существу об этом же материалы семинара Центра россиеведения, «героем» которого стал В.И. Ленин. Как интеллектуал, он оставил значительное теоретическое наследие, о котором на семинаре говорил наш гость – венгерский профессор Т. Краус, но с социально-политической точки зрения явился «псевдонимом» темы несвободы в России. Ленин – творец, персонификатор главного социального «проекта» XX в., в котором человек был избавлен и от личной ответственности, и от личных прав.

И этот же «проект» оставил по себе воспоминания, составляющие предмет национальной гордости постсоветского человека. Главное такое воспоминание – Великая Отечественная война, изучению образов которой посвящен специальный раздел выпуска. Повторю, мы видим непосредственную связь Великой войны с темой российской свободы. Она дала советскому человеку ощущение стояния за национальные интересы, ценой которого была его жизнь. Не случайно именно тогда в советском обществе возродилась тема свободы, связавшая его с пред-революционной Россией, всей русской историей и новым, современным миром. Отечественная, несмотря на ужасы, горе, насилие, жертвы, и Победа – опыт обретения свободы советским человеком, давший толчок процессу раскрепощения советского общества. В современной России как-то не принято рассматривать войну с этой точки зрения, что указывает на качество нашего социального порядка.

И, наконец, в материалах выпуска присутствует «внешний», сопоставительный контекст. Парадоксально, но недавний опыт свободы, открытия СССР/России миру имел следствием приступ культурно-ментального «замыкания» россиян в (и на) себе, своего рода отрицание ими внешней перспективы. В этой ситуации адекватный сопоставительный анализ России с современным (тем, что и задает основные параметры современности) миром представляется особенно важным. Тема «Россия и Европа» связывает работы, помещенные в рубриках «Современная Россия» и «Рецензии».

Завершает выпуск «Трудов по россиеведению» «Публицистическая мозаика», построенная на тех же темах, что и основные его материалы. Главным в «избранных местах» современной публицистики является для нас не обсуждение отношений власти и общества, а вопрос о качестве современного порядка: насколько он терпим к проявлениям и росткам свободы, способен ли выдержать испытание разными точками зрения, «нагрузку» разнообразием, множественностью, плюральностью и эволюционировать в эмансипационном направлении. Собственно, это вопрос о будущем – о том, какими быть нам и стране в ближайшее время.

И.И. Глебова

Россия в зеркале русской поэзии

В этом выпуске «Трудов...» мы продолжаем нашу стихотворную рубрику. На этот раз ее составляет поэтическая подборка, объединенная темой «свобода/несвобода»¹. Нам представляется, что в этих стихах чувствуется не просто живая причастность к истории России XX в., к советской эпохе. Это и есть наша история, переданная поэтическим языком: ее надежды и разочарования, ужасы и победы, заблуждения, страхи и прозрения. Это не только историческое самооправдание советского человека, но и самоанализ: рассказ о том, что случилось со страной, с нами.

Моральный кодекс

На равенство работать и на братство,
А за другое – ни за что не братья.
На мир трудиться и на труд,
все прочее – напрасный труд.
Но главная забота и работа
поденно и пожизненно – свобода.

* * *

В тетрадошки уставя лбы,
в который раз, какое поколение
испытывает успокоение
от прописи: «Мы – не рабы!»

Б. Слуцкий

* * *

А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину.

Являйте из тел распластанных
Звезду или свасти крюки.

¹ Печатается по изд.: А. Галич «Возвращение» (М., 1989); И. Деген «Стихотворение» (Радуга, 2007, № 5/6); Н. Коржавин «Время дано: Стихи и поэмы» (М., 1992); Б. Окуджава «Стихи» (Новый мир, 1995, № 7); Б. Пастернак «Доктор Живаго: Стихотворения» (М., 2009); К. Симонов «Стихи, поэмы, вольные переводы» (М., 1964); Б. Слуцкий «Я историю излагаю...»: Книга стихотворений» (М., 1990); М. Цветаева «После России: Стихотворения» (СПб., 2010).

М. Цветаева
1934

Гуляли – целовались, жили-были...
А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.

Н. Коржавин
1944

* * *

Я живу в ожидании краха,
унижений и всяких утрат.
Я, рожденный в империи страха,
даже празднествам светлым не рад.

Всё кончается на полуслове
раз, наверное, по сорок на дню...
Я, рожденный в империи крови,
и своей-то уже не ценю.

Б. Окуджава
1979

Словно смотришь в бинокль перевернутый...

Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся,
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.

Слишком много друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не все увеличится
В нашем горем испытанном зрении.

К. Симонов
1941

* * *

Мой товарищ, в смертельной агонии

Не зови понапрасну друзей!
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони,
Ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки,
Нам еще наступать предстоит.

Ион Деген
1944

Терпенье

Сталин взял бокал вина
(может быть, стаканчик коньяка),
поднял тост – и мысль его должна
сохраниться на века:
за терпенье!

Это был не просто тост
(здравицам уже пришел конец).
Выпрямившись во весь рост,
великанам воздавал малец
за терпенье.

Трус хвалил героев не за честь,
а за то, что в них терпенье есть.
Вытерпели вы меня, – сказал
вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал.

Ничего не говорил.
Только прокричал: «Ура!»
Вот каковская была пора.
Страстотерпцы выпили за страсть,
выпили и закусили всласть.

* * *

Ордена теперь никто не носит.
Планки носят только чудаки.
И они, наверно, скоро бросят,
Сберегая пиджаки.
В самом деле, никакая льгота

Этим тихим людям не дана,
Хоть война была четыре года,
Длинная была война.
Впрочем, это было так давно,
Что как будто не было и выдуманно.
Может быть, увидено в кино,
Может быть, в романе вычитано.
Нет, у нас жестокая свобода
Помнить все страдания. До дна.
А война – была
Четыре года.
Долгая была война.

Б. Слуцкий

Я выбираю свободу

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И – свистите во все свистки!

И лопаются терпенье,
И тысячи три рубак
Вострят, словно финки, перья,
Спускают с цепи собак.

Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!

Я выбираю Свободу, –
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой.

И это моя Свобода,
Нужны ли слова ясней?!
И это моя забота –
Как мне поладить с ней.

Не слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей беды,
Свобода казенной пайки,
Свобода глотка воды.

Я выбираю Свободу,

Я пью с нею нынче на «ты».
Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты.

Где вновь огородной тяпкой
Над спинами пляшет кнут,
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут.

Но славно звенит дорога,
И каждый приют, как храм.
А пуля весит немного –
Не больше, чем восемь грамм.

Я выбираю Свободу, –
Пускай груба и ряба,
А вы, валяйте, по капле
«Выдавливайте раба»!

По капле и есть по капле –
Пользительно и хитру,
По капле – это на Капри,
А нам – подставляй ведро!

А нам – подавай корыто,
И встанем во всей красе!
Не тайно, не шито-крыто,
А чтоб любовались все!

Я выбираю Свободу,
И знайте, не я один!
И мне говорит «свобода»:
«Ну, что ж, – говорит, – одевайтесь
И пройдемте-ка, гражданин».

А. Галич
1970

* * *

Июнь был зноен. Январь был зябок.
Бетон был прочен. Песок был зыбок.
Порядок был. Большой порядок.

С утра вставали на работу.
Потом «Веселые ребята»
в кино смотрели. Был порядок.

Он был в породах и парадах,
и в органах, и в аппаратах,
в пародиях – и то порядок.

Над кем не надо – не смеялись,
кого положено – боялись.
Порядок был – большой порядок.

Порядок поротых и гнутых,
в часах, секундах и минутах,
в годах – везде большой порядок.

Он длился б век и вечность длился,
но некий человек свалился
и весь порядок развалился.

* * *

Госудбри должны государить,
государство должно есть и пить
и должно, если надо, ударить,
и должно, если надо, убить.

Понимаю, вхожу в положение,
и хотя я трижды не прав,
но как личное поражение
принимаю списки расправ.

Б. Слуцкий

Душа

Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.

Тела их бальзамируя,
Им посвящая стих,
Рыдающею лирою
Оплакивая их.

Ты в наше время шкурное
За совесть и за страх
Стоишь могильной урною,
Покоющей их прах.

Их муки совокупные
Тебя склонили ниц.
Ты пахнешь пылью трупною
Мертвецких и гробниц...

Б. Пастернак
1956

Без названия

Посвящается Р. Бенъяи

Вот пришли и ко мне седины,
Распеваётся воронье!
«Не судите, да не судимы...» –
Заклинает меня вранье.

Ах, забвенья глоток студёный,
Ты охотно напомнишь мне,
Как роскошный герой – Буденный –
На роскошном скакал коне.

Так давайте ж, друзья, утроим
Наших сил золотой запас,
«Нас не трогай, и мы не тронем...» –
Это пели мы! И не раз!..

«Не судите!»
Смирней, чем Авель.
Падай в ноги за хлеб и кров...
Ну, писал там какой-то Бабель,
И не стало его – делов!

«Не судите!»
И нет мерила,
Все дозволено, кроме слов...
Ну, какая-то там Марина
Захлебнулась в петле – делов!

«Не судите!»
Малюйте зори,
Забивайте своих козлов...
Ну какой-то там «чайник» в зоне
Все о Федре кричал – делов!

– Я не увижу знаменитой Федры
в старинном, многоярусном театре...

...Он не увидит знаменитой Федры
В старинном, многоярусном театре! –

Пребывая в туманной черноти,
Обращаюсь с мольбой к историку –
От великой своей учености
Удели мне хотя бы толику!

Я ж пути не ищу раскольного,
Я готов шагать по законному!
Успокой меня, беспокойного,
Растолкуй ты мне, бестолковому!
А историк мне отвечает:
«Я другой такой страны не знаю...»

Будьте ж счастливы, голосуйте,
Маршируйте к плечу плечом,
Те, кто выбраны, те и судьи,
Посторонним вход воспрещен!

Ах, как быстро, несусветимы
Дни пошли нам виски сидеть...
«Не судите, да не судимы...»
Так вот, значит, и не судить?!

Так вот, значит, и спать спокойно,
Опускать пятаки в метро?!
А судить и рядить – на кой нам?!
«Нас не трогай, и мы не тро...»

Нет! Презренна по самой сути
Эта формула бытия!
Те, кто выбраны, те и судьи?!
Я не выбран. Но я – судья!

1967

Ночной дозор

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.
Сотни тысяч (и все – похожие)
Вдоль по лунной идут дорожке,
И случайные прохожие
Кувыркаются в «неотложки».

И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно:
Одинокий шагает памятник,
Повторенный тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки,
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.

И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!
Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведет процессию.
Он выходит на место лобное,
«Гений всех времен и народов!»
И как в старое время доброе
Принимает парад уродов!

И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Прет стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей,
Вот сапог громыкает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!
Им пока – скрипеть, да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится еще при случае.

И будут бить барабаны!
Бить барабаны,
Бить, бить, бить!

Утро родины нашей розово,
Позывные летят, попискивая,
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись гипсовые.
Пусть до времени покалечены,

Но и в прахе хранят обличие,
Им бы гипсовым человечины –
Они вновь обретут величие!

И будут бить барабаны!..
Бить барабаны,
Бить, бить, бить!

А. Галич
1962–1964

* * *

Крепостное право, то, что крепче
и правее всех его отмен,
и холопства старая короста,
отдирать которую не просто,
и довольство паствы рабством,
пастыря – кнутом и монотонность
повторенья всякого такого
на любой странице
кратких курсов, полных курсов
всех историй.
Это было? Это есть и будет.
Временами спящего разбудит
пьяного набата голошенье
или конституций оглашенье.
Временами словно в лихорадке
на обычной огородной грядке
вырастит история бананы
или даже ананасы.
Вырастит, но поздно или рано
скажет равнодушно: «А не надо!»

* * *

Я был либералом,
при этом – гнилым.
Я был совершенно гнилым либералом,
увертливо скользким, как рыба налим,
как город Нарым – обмороженно вялым.

Я к этому либерализму пришел
не сразу. Его я нашел, как монету,
его, как билетик в метро, я нашел
и езжу, по этому езжу билету.

Он грязен и скомкан. С опаской берет
его контролер, с выражением гнева.
Но все-таки можно проехать вперед,
стать справа и проходить можно слева.

О, как тот либерализм ни смешон,
я с ним, как с шатром переносным, кочую.
Я все-таки рад, что его я нашел.
Терять же покуда его не хочу я.

Б. Слуцкий

Современная Россия

Русское настоящее и советское прошлое

(Размышления с позиций «civic culture»)

Ю.С. Пивоваров

Не исключено, что 2011 год впоследствии назовут рубежным. Во всяком случае, сейчас у многих ощущение конца чего-то старого и начала чего-то нового. Вопрос в том, от какого старого Россия, возможно, собирается перейти и к какому новому? – Сохраняя осторожность, сделаем предположение. Наше общество переросло то устройство, которое сложилось у нас в послевоенный хрущевско-брежневский период, во многом трансформировалось в ходе революции конца 80-х – начала 90-х годов и обрело свой нынешний вид в путинское десятилетие. Я настаиваю на том, что русская социальная эволюция шла именно таким образом. Ленинско-сталинский режим тотальной переделки, суицидального террора, беспримерно-насильственной мобилизации и отказа от универсальных человеческих ценностей сошел на нет в ходе Отечественной освободительной войны и мракобесных судорог середины века. После XX съезда начинают завязываться основы гражданского общества, а победившая Сталина номенклатура переходит от людоедства к более естественным формам социального питания. Иными словами, на смену мобилизации и террору являются медленно-противоречивая эмансипация и скромное потребление. Горбачевско-ельцинский период проводит полную демобилизацию и отдает Россию на разграбление наиболее витальной и современной части советской номенклатуры. Историческое значение Владимира Путина состоит в создании эффективного механизма по эксплуатации материальных богатств России в пользу небольшой части общества. В сфере политики и идеологии устанавливается уникальный строй – самодержавно-наследственное (или преемническое, или сменщицкое) президентство, опирающееся на авторитарно-полицейско-криминальную «систему» и отказавшееся от правовой и исторической легитимности.

Так вот, кажется, этот порядок перестал «соответствовать» русскому обществу даже минимально. И оно готово перейти к другим социально-властным отношениям.

Собственно говоря, этому и посвящена предлагаемая работа. Внешне, как и в первом, и втором выпусках «Трудов...», она носит эклектический, мозаичный характер. Но внутренне стягивается попыткой понимания некоторых ключевых тем: как возможна русская свобода; в чем и зачем реформы; каковы природа советского и советизма; основные черты наличного социального порядка; некоторые «архетипы» русской эволюции и др.

О русской свободе и некоторых важных датах – юбилеях 2011 г

Ключевая (но не единственная) тема этого выпуска «Трудов» – свобода в России, русская свобода, движение к освобождению и т.п. Выбор этой темы в текущем году не случаен. Исполнилось 150 лет со дня освобождения крестьян от крепостного состояния. Это событие В.О. Ключевский полагал величайшим в отечественной истории. Мы же теперь понимаем, что это было не только высшим достижением русского эмансипационного дела, но и началом трагического перелома России «от села Бездна к станции Дно» (В.В. Набоков). Действительно, пореформенная Россия (1861–1917), с одной стороны, стала золотым веком русской социальности,

а с другой – прелюдией советского большевизма. Кстати, в этом же году исполняется 20 лет с момента краха коммунистического режима. И это тоже важнейший повод говорить о свободе.

Но есть даты менее заметные, менее громкие, хотя по своей внутренней силе заставляющие помнить их. 90 лет назад молодой ленинский режим впервые открыто пошел на русский народ. И если поведение коммунистов в Гражданской войне хоть как-то может быть оправдано стремлением к установлению социальной справедливости, которая, с их точки зрения, отсутствовала в царской России, то зверское подавление Кронштадта и Антоновского восстания не имеет объяснений даже с помощью большевистской демагогии. Ведь ленинцы выступали от имени народа (как они утверждали) – здесь же народ явно сказал им: «Нет!» То есть это событие – одновременно начало борьбы режима с собственным народом и начало народного сопротивления этому режиму, которое – мы должны помнить – не прекращалось никогда. И даже если оно в целом не вылилось в открытое противостояние (а все-таки бывало и такое), то находило себе другие формы. Напомним хотя бы результаты переписи населения 1937 г., когда огромное число советских граждан не побоялось открыто назвать себя верующими.

О 70-летию начала Великой Отечественной войны в этом году сказано, видимо, все, сполна. Но для нас также важен скрытый смысл этой скорбно-торжественной даты. Заключается он в том, что, казалось бы, уже поваленный наземь, уже раздавленный германскими танками русский народ нашел в себе силы восстать, а значит, как модно говорить нынче в науке, вновь обрести историческую субъектность. Он не захотел быть той самой «популяцией» из той самой «русской системы». Кстати, раз мы упомянули эту концепцию, подчеркнем и то, что «лишний человек» тоже в те исторические мгновения сумел освободиться от своей «лишности». И уж точно власть, как это ни парадоксально – поскольку в этот момент персонифицировалась самым жестким ее персонификатором, – не была тогда моносубъектом. И потому, скажем мы со всей прямоотой, те, кто сегодня хочет отдать Победу Сталину, автоматически отнимают ее у русского народа. И хотя этот вывод может показаться слишком категоричным, в нем, представляется нам, больше исторической правды, нежели во «взвешенных» суждениях сегодняшних «попутчиков истории» (выражение Г.В. Федотова).

И еще о войне. Эта тема в обозримом будущем останется в поле самого острого внимания сотрудников нашего Центра. По двум причинам. Во-первых, появляются новые поколения ученых, не отягощенных никакими идеологическими травмами, спокойно исследующих войну. Им даже в голову не приходит с помощью какого-то нового знания о войне начать орудовать им как погромной дубиной. Эти молодые люди открывают такие страницы войны, которые были недоступны предшествующим поколениям. То есть это свободное знание – знание, повторим, не связанное с идеологической борьбой (оправданием, развенчанием, возвеличиванием и проч.). Говоря иначе, это война глазами людей XXI в. Во-вторых, не стихающий яростный спор вокруг войны в нашем образованном обществе (и полуобразованном тоже). Здесь мы тоже скажем совершенно прямо. Это не спор о войне. Это спор о коммунистическом режиме. Если мы признаем, что Сталин-сталинцы-сталинизм непростительным образом «проспали» войну, варварски по отношению к собственному народу воевали, не считаясь ни с какими жертвами (чего только стоит постоянно повторяемая Н.Н. Губенко цифра сирот на 1945 г. – 19 млн.; и вина за это лежит не только на человеконенавистническом гитлеровском режиме, но и на нашем тоже), то, следовательно, мы вынесем приговор коммунистической системе как неэффективной, дефективной, преступной. Если же наоборот, то, значит, наоборот. И никаких компромиссных, «взвешенных» оценок быть не может.

Но, подчеркиваем, при этом мы не закрываем глаза на то, что коммунистический режим и русский народ были, если можно так сказать, слиты воедино. Более того, режим был порождением русского народа. И, говоря это, мы понимаем всю, если угодно, дьявольскую диалектику этой ситуации. В ней невероятно сложно разобраться. Но придется, как пришлось немецкому народу. Этот народ признал, что гитлеризм был его собственным выбором, и в течение

мучительных десятилетий освобождался от этого выбора. На этих путях он обрел и свободу, и порядок, и благосостояние. Конечно, немцам было легче, чем нам, – ведь это они были наглыми и вероломными агрессорами, ведь это они никогда не скрывали своих преступных планов, ведь это они открыто заявили о «проекте» по уничтожению людей в соответствии с одним (расовым) принципом и обратились к его реализации. Нам сложнее, потому что мы были народом, подвергшимся страшной агрессии, мы сломали хребет вермахту и всей нацистской Германии, мы освободили народы Восточной Европы, мы понесли неисчислимые жертвы. И при этом мы должны признать, что тоже несем ответственность за развязывание Второй мировой войны, за начало советско-германской войны, за неготовность к ней, за – повторим это в которой раз – запредельно высокую цену, которую заплатили, за те диктатуры, которые принесли в страны Восточной Европы, только что освобожденные нами, и многое, многое другое. И вот от этого мы должны освободиться. – Не от советской истории, не от побед и поражений, а от того преступного, что было в советской истории и что теснейшим образом связано с началом войны. Иначе говоря, спор о войне – это спор тех, кто по-прежнему готов потакать злу в себе, и тех, кто не готов. В конечном счете это тоже спор о свободе современного общества.

Исполняется 100 лет со дня смерти П.А. Столыпина. Это одна из тех исторических фигур, которые в постсоветское время переживают ренессанс. Он занял одно из центральных мест в общественном мнении, да и власть открыто назначает себя его преемницей. Готовятся пышные торжества, связанные со 150-летием Петра Аркадьевича. Совмин придумал медаль имени Столыпина, которая присуждается за патриотическую деятельность. Широко обсуждается строительство его памятника, которому нашли место не где-нибудь, а рядом со зданием российского правительства. То есть он как бы назначается таким светским покровителем настоящих и будущих «премьеров». Вообще, Столыпин – фигура, действительно необходимая нынешней России. Ведь у каждой большой страны в XX в. есть один самый эффективный ее руководитель: Рузвельт, Черчилль, де Голль, Аденауэр. При всей исторической спорности эти фигуры бесспорны в том, что занимают первые места в сознании их сограждан. А у нас такой фигуры не было. Мне возразят – как, а Сталин? В том-то и дело, что Сталин – не историческая, не политическая, не административная фигура. Сталин – это темы добра и зла, ненависти и любви, насилия и смирения и пр. Сталин был псевдонимом Джугашвили, а стал псевдонимом этих тем. Иосиф Виссарионович так распорядился своей жизнью и нашей судьбой, что его нельзя помещать в этот ряд. А Столыпин – можно. Он невероятно удобен, причем удобен всем – либералам и консерваторам, общественникам и государственным, почвенникам и западникам. А в нем и было всё: и стремление дать России свободу и благосостояние, и умение жестко и эффективно «пресечь крамолу», и вкус к социальному новаторству, и абсолютная укорененность в русской традиции, и органический аристократизм, и сродненность с поднимающейся русской демократией. Да и звучит как – Петр Аркадьевич Столыпин! (не менее, а может быть и более, великий Витте с ходу проигрывает своим «Сергей Юльевич Витте». Тоже, вроде бы, неплохо, но есть в этом какая-то неизлечимая второразрядность – типа Барклай де Толли, Беннигсен, Бенкендорф, Клейнмихель, Нессельроде). Вот Столыпин и будет русским Рузвельтом, Аденауэром и т.п. Ведь власть нуждается не только в опереточном культе опереточного Александра Невского (просим не путать с реальной фигурой князя Александра Ярославича) или культе Петра Великого. Заметим: историческое обожествление Медного всадника несколько поувяло. Это говорит о том, что всякому божеству необходимы новые жертвоприношения, иначе оно проголодается и потеряет былые витальность и креативность. Вообще, по нашим наблюдениям, Петру Алексеевичу в последнее время не везет. Тут и грандиозный Сталин, несомненно превзошедший его в крутости и державности, тут и историки, превратившие его чуть ли не в первого нашего западника, что ныне не модно. А Столыпин – фигура мощная, чистая, исторически ощутимая, принявшая за Россию смертную муку. (При этом и убийца у него вполне «подходящий» – еврей-революционер из богатеньких, – несомненно, будущий

троцкист, оппозиционер, противник Сталина. Это, конечно, вслух не произносится, но как бы подразумевается.)

Столыпин еще и потому хорош, что является полной индульгенцией за тайную страсть к Сталину. Г.В. Флоровский в своих гениальных «Путь русского богословия» (Париж, 1937 г.) (12) писал об эффекте двоеверия, возникшем в Киевской Руси после принятия христианства. В обществе, в людях сосуществовали две веры – дневная и ночная, по терминологии о. Георгия. Дневная – официальная, единственно допускаемая – христианская; ночная – языческая, запрещенная, но желанная и связанная с какими-то важнейшими тайниками души, неустранимыми влечениями, высшим счастьем. Две веры – ума и сердца, духа и души, сознательного и бессознательного. Эта тема неплохо, кстати, раскрывается в известном фильме А. Тарковского «Андрей Рублев». Столыпину, по всей видимости, и уготована персонификация дневной государственной веры. Ночная, бесспорно, принадлежит Сталину. Но откровенно признаться в исповедании этой ночной веры опасно, неосторожно и не очень прилично, не все поймут. Поэтому чем больше мы будем любить и возвеличивать Столыпина, тем меньше обратят внимания на нашу «ночную любовь». Боюсь, что при этом и в таком контексте Петра Аркадьевича опять убьют – исторически. А ведь он действительно наш Рузвельт.

...Но отвлечемся на время от дат-юбилеев, поговорим о сути наших реформ, т.е. об эмансипации русского общества. Все пятьдесят с лишним лет, от Великих освободительных деяний Александра II до столыпинских преобразований, можно рассматривать как единую историческую эпоху. Собственно говоря, так и делается: в науке принято говорить о пореформенном периоде. Нам же представляется, что точнее было бы назвать его периодом реформ. Они ведь не прекращались с 1861 г. по Февральскую революцию. Даже 1880-е годы («дальние, глухие», по выражению А. Блока), которые принято называть контрреформами, были временем некоей естественной приостановки для того, чтобы прийти в себя, осмотреться, успокоиться – и двигаться дальше. При этом в экономической, социальной и правовой сферах реформы продолжались (имеются в виду развитие капитализма и введение передового трудового законодательства). И для всего периода характерен, как сказали бы в советские времена, комплексный подход. Реформы затронули практически все сферы жизнедеятельности русского общества. Это было наступление широким фронтом с продуманной программой мер. Они были связаны друг с другом; какая-то одна реформа влекла за собой другую в иной сфере и т.д. Правда, когда мы говорим об эпохе Великих реформ, мы всегда подчеркиваем их комплексность (крестьянский вопрос, сельское и городское самоуправление, суды, образование – начальное, среднее и высшее, военное дело), а применительно к столыпинским реформам мы заикливаемся на вопросе общины. Но ведь план Столыпина, обнародованный им 6 марта 1907 г. в Государственной думе, включал в себя вопросы реформирования государственного управления, прав человека, социального законодательства и т.д. Более того, Столыпин совсем не был тем самым прогрессивным разрушителем консервативной общины, каким он рисуется многим. В этом вопросе он занимал позицию золотой середины: те, кто хочет и может, пусть выходят, а те, кто не хочет и не может, пусть остаются. Обратим внимание: большинство осталось.

Что еще важно в понимании эпохи реформ? В нашей науке и, соответственно, в сознании недоучитывается та громадная повседневная работа, которую вели русское государство и русское общество по узнаванию своей страны (помните неожиданные слова Ю.В. Андропова, что мы своей страны не знаем), упорядочиванию этого знания и, так сказать, упорядочиванию самой страны. Мы имеем в виду гигантский труд отечественных статистиков – они создали «банк данных» о России, без которого ее существование в современном мире было бы невозможно. Это касается и наследника Российской империи – СССР. Была также произведена кропотливая, тяжелейшая работа по межеванию земель. Тогда же произошел подъем архивного дела в России, т.е. началось формирование социальной памяти. Переживают расцвет фольклористика и археология. Всем известен также взлет русской науки этой эпохи. В известном

смысле слова, Россия тех лет стала палатой мер и весов, лабораторией по самоосознанию и созданию нового знания.

И еще одно. У времени реформ был совершенно определенный вектор – эмансипация (или *самоэмансипация*) российского общества. Успешное движение в этом направлении обеспечивалось следующими принципами: реформы – 1) должны проводиться в соответствии с русскими историческими традициями; 2) опираться на положительный опыт передовых европейских государств (Германия, Франция, Австро-Венгрия, Соединенное Королевство); 3) это дело не только государства, но и общества; 4) их смысл – в постоянном, несмотря ни на что, расширении круга участников принятия кардинальных решений; 5) они способствуют еще более тесной интеграции с Западом; 6) не должны привести к «растворению» России в современном мире в форме того или иного сырьевого придатка (донора) этого мира; 7) на заключительных стадиях (или этапах) реформ самое пристальное внимание стало уделяться «восточному» направлению русской политики и экономики (здесь речь идет и о подъеме Сибири и Дальнего Востока, и о понимании грядущей роли Азиатско-Тихоокеанского региона, и о проблемах, связанных с выходом России в самое сердце Центральной Азии); 8) они проводились на общеконсенсусной основе – и это при громадных противоречиях, существовавших между тронем, бюрократией, дворянством и поднимавшимся гражданским обществом. Несмотря на трагизм этих противоречий, компромиссно-консенсусное начало нарастало. (Тем более трагическим представляется срыв с этой линии зимой 1916–1917 гг. Но даже это не отменяет факта усиления компромиссно-консенсусного типа развития.)

Смысл реформ–эмансипации заключается еще и в следующем. Настоящая реформа, – а мы признаем реформы эпохи трех последних царствований настоящими – не крушит наличный мир, а преобразовывает его, совершенствует. По своей природе они нацелены не на уничтожение каких-то, казалось бы, устаревших форм, а на развязывание возможностей для становления тех сил, что зреют в рамках этого мира. Иными словами, настоящая реформа создает институты и процедуры, в которых актуализируется скрытое в старых формах новое, потенциальное. Реформа – это упорядочивание новых возможностей, нового баланса сил и проч. Повторим, таковыми по преимуществу были реформы второй половины XIX – начала XX столетий. Но именно здесь и таится опасность: раскрывая широко окно возможностей, реформаторы, вне зависимости от того, хотят они этого или нет, создают основу для новых конфликтов, новых противоречий, новых вопросов. И в этом смысле всякая реформа, всякая эмансипация – всегда и увеличение социальных рисков. Перефразируя известные слова Ленина, можно сказать: реформа порождает новые конфликты. То есть период свободы требует новой, более высокой цены за социальный порядок. Поэтому для проведения реформ необходимы социальное мужество и социальная ответственность...

В этом году исполняется 170 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти В.О. Ключевского. То, что он – великий русский историк, знают все. А вот то, что это совершенно неповторимое порождение русской культуры середины и конца XIX в., – об этом мы как-то не думаем. Теперь уже ясно, что русская литература создала ту Россию, в которой мы живем. Именно писатели придумали основные русские типы, сформулировали основные русские вопросы, «сконструировали» основополагающие русские мифы (в основе всех мировых культур лежат жизнеобразующие мифы). Но литература, даже обращаясь к прошлому, всегда творит настоящее и будущее. К примеру, Тарас Бульба и его сыновья важны нам не как персонажи малороссийско-польской вражды XVII столетия, а как определенные социопсихологические типы, с которыми мы сталкиваемся в повседневности и одновременно через них понимаем других.

Но было два писателя, которые, как представляется, глубже и тоньше других и, самое главное, с безграничной теплотой показали нам сущность русского, собственно русского. Это Василий Ключевский и Василий Розанов. То, что сделал Розанов в области социокультурной и психологической, литературной и эстетической, то Ключевский – в исторической сфере. Рус-

ская история была «написана» до него; ее основные темы и направления определили Карамзин и Соловьев, Чаадаев, славянофилы и западники. И в этом смысле Ключевский не привнес ничего совершенно нового, хотя ему и принадлежал ряд выдающихся исследований, много давших нашей науке. Однако главное значение Ключевского состоит в том, что он обратился к историческим сюжетам и персонажам с позиций частного человека. Не мифотворца, не схемостройца, не государственника и даже не общественника. Он берет события и персонажи и оживотворяет, и одуховляет их. Он делает наше прошлое не чередой фактов, эпох, героев, но живой жизнью. Причем Ключевский – как-будто вышедший из лесковского мира, – смотрит на русскую историю глазами и душой человека допетровской России. Да, он чрезвычайно умен и отлично обучен европейскому профессиональному знанию. Да, он современен, но и все равно по сути своей остается человеком XVII столетия. Вот это уникальное сочетание и позволило ему прочесть русскую историю как родную. И даже его увлечение всякими социально-экономическими объяснениями пахнет чем-то замоскворецко-посконным, а не европейско-политэкономическим.

Он как будто знал, что вот-вот этот, его русский исторический мир уйдет в небытие. Впрочем, может, и знал; ведь утверждал же, что «это царствование последнее» и Алексей править не будет, а на важнейшем, стратегическом Петергофском совещании высших правящих лиц (лето 1905 года) вел себя пассивно, незаинтересованно и отделался незначительными словами. Может быть, действительно, чувствовал, что конец. И как раз перед концом этого мира он и создал русскую историческую вселенную и с этого момента русская история, по Ключевскому (или ключевская русская история), занимает в нашем сознании место рядом с литературой. То есть это еще один русский мир. Нет сомнений в том, что работа Ключевского не менее важна и значима, чем работа Пушкина, Достоевского, Толстого.

Влияние Ключевского на русскую культуру шире даже, чем то, о котором мы только что сказали. XX век, несмотря на все его ужасы, стал одновременно поразительным взлетом русского гения. Сегодня можно прямо сказать: культура XX в. не потеряла темпа, который был набран в XIX. И одним из самых ярких проявлений этого взлета стала поэзия. Берем на себя смелость утверждать, что творчество двух московских поэтов, имеющее мировой масштаб, – Пастернака и Цветаевой – было бы невозможно без того мира русской истории, который создал Ключевский. Разумеется, это не единственный источник их творчества, но абсолютно необходимый среди других.

Сегодня история, по Ключевскому, нужна прежде всего не как источник профессиональных знаний, но как воздух, которым должны дышать легкие нашей культуры. Это особенно важно потому, что вот уже почти столетие мы дышим воздухом отравленным. Во-первых, Ключевский дает сегодняшнему человеку безусловное и понятное ощущение живой причастности к русскому делу. Человек, принявший в свою душу Ключевского, навсегда проникнется русской исторической сущностью. Во-вторых, чтение Ключевского – это сильнейшее гигиеническое средство от современных социальных болезней.

О реформах, контрреформах, опричнине и земщине

И вновь возвращаемся к теме реформ (и свободы). Еще один важный аспект в их понимании: не все то, что делается по переустройству общества, можно квалифицировать как реформы. Реформой, видимо, следует считать такие действия, которые заключаются в решении вопросов, стоящих перед обществом, на путях расширения зоны свободы прежде всего индивидуальной, – и, соответственно, личной ответственности. При таком подходе деяния Петра Великого, к примеру, не подпадают под эту характеристику. Все те громадные новации, которые внес в русскую жизнь этот человек, имели своим главным результатом дальнейшее закабаление населения России. И даже если признать за Петром – а мы признаем – заслугу в

деле русского просвещения, то и это не отменяет главного результата его действий. Более того, трагическое несоответствие просвещения и крепостничества и стало основным взрывным элементом русской революции и гражданской войны. Причем социальная опасность одновременности просвещения и закрепощения не была преодолена даже Великими реформами.

Реформа – это всегда конфликт; повторим: настоящая реформа не уничтожает его. Но создает легитимные и эффективные процедуры протекания. Реформа – это политика осознанного принятия социальной конфликтности как фундамента для нормального, здорового развития общества. Реформа – это отказ от единственной и тотальной идеологии; отказ от принципа «кто не с нами – тот против нас»; отказ от понимания другого/иного как врага. Реформа – это то, что сегодня американский политолог Джозеф Най называет «soft power». В своей последней книге (14) Най говорит, что смысл soft power в том, что в ходе ее применения увеличивается количество друзей и уменьшается количество врагов. «Hard power» действует наоборот. Реформы – это также то, что Най квалифицирует как «smart power». Смысл этого последнего заключается в том, что настоящий реформатор всегда принимает во внимание позиции в обществе различных социально ответственных сил, включая и противостоящие ему, способствует их усилению.

Одним из заблуждений русского сознания является уверенность в том, что реформы может проводить власть и только власть. Нет, опыт последних 100 лет показывает: реформирование практически всегда есть дело рук и власти, и общества. Там, где общества нет – в том смысле, что оно еще не готово взять на себя часть бремени социальной ответственности, – реформы, даже блестяще задуманные и продуманные, не удаются. Пример: Михаил Сперанский. Его гениальный проект преобразований оказался не по плечу тогдашней России. И Александр I мгновенно и безболезненно свернул робкие начинания и громкие обещания. Оказалось, что Сперанский предложил России план «на вырост». А когда русское общество подросло, тогда оно в тесном союзе с властью и одновременно в жестком противостоянии с ней реализовало план Михаила Михайловича.

Говоря сегодня о реформах как об эмансипации, мы не можем не затронуть вопроса о том, что является прямой противоположностью реформы, но в массовом сознании именно это противоположное нередко полагается высшим достижением русской цивилизации. Мы хотим сказать о трех персонажах, несомненно, любимых, нередко даже и бессознательно, многими русскими людьми. Это Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. Их обычно противопоставляют «гнилым и неудачливым» либералам-интеллигентам. Так вот, в нашем обществе усиливается убеждение, что высшие русские успехи – это всегда жесткая, не щадящая никого, «варварская» модернизация. Причем варварство оправдывается одними потому, что «так было всегда и у всех», другими потому, что «с русскими по-иному нельзя». Главное – в том, что одержаны великие победы, создана великая страна.

Мы не будем полемизировать с ними. И для нас неважно даже то, что сразу после физического исчезновения этих людей все их великое почему-то рушилось. Нам эти люди и их действия важны, повторим, тем, что они суть не реформаторы и реформы, а нечто им противоположное и что в результате этих действий трижды в нашей истории возникала по существу одинаковая и по существу тупиковая ситуация. При всем естественном различии исторических эпох, в которые действовали эти персонажи, они приходили к одной и той же социальной конфигурации. Мы бы ее назвали так: опричнина-земство.

Отказавшись от экспериментов Избранной Рады, поскольку они не обеспечивали усиления собственной власти, а, напротив, «демократизировали» социальный порядок (мы понимаем всю условность используемой терминологии), Иван IV придумал следующий механизм. Бульшая – в количественном отношении – часть страны живет вроде бы как и жила: в рамках привычных, традиционных форм. А рядом создается новое общество, которое освобождено от этих форм и которому «все позволено». Таким образом, перед нами феномен расколотого

социума, где одним велено изображать жизнь в старых ее формах, а другим дозволено делать с этой земщиной все, что захочется и что прикажут. По-своему такая расстановка сил выгодна, как это ни парадоксально, обеим сторонам. Она на самом деле воспроизводит властно-социальную диспозицию, к которой Русь привыкла, адаптировалась за два примерно с половиной столетия монгольского ига. То есть это ордынский порядок, где в роли опричнины Орда, а земщины – Русь. И когда мы сказали, что и земщине выгоден такой порядок, мы имели в виду то, что другой был и непредставим, и неизвестен.

Почему же он провалился? Иван Грозный не сделал главного шага – того, который удался его наследнику Петру. Он не придал этому сконструированному им расколу культурно-мировоззренческого антагонизма, который, кстати, предполагала классическая ордынская модель. С одной стороны, кочевая, языческая, затем мусульманская, по преимуществу тюркская Орда, с другой – земледельческая, христианская, славянская Русь. К концу же XVII столетия у Петра Алексеевича на руках уже были все козыри, полный инструментарий для конструирования этого самого культурно-мировоззренческого антагонизма. Причем, как и в случае с Иваном Грозным, новой ордынизации России предшествовал период «демократических» экспериментов другой Избранной Рады – «правительство» Федора–Софьи–Голицына. И потому будущему мореплавателю, академику и плотнику уже не надо было проводить самому «демократические» опыты, которые, ясное дело, вели всю систему к будущей социальной плюрализации и расширению зоны свободы.

Два десятилетия Петр создавал новую опричнину, говорящую по-немецки, и новую земщину, которая вроде бы живет по-старому – ведь никто не отменял Соборного Уложения его папы. Повторим: Петр учел историческую недоработку Ивана Грозного. Он ведь хорошо помнил, как земщина разгулялась в начале XVII в. и, несмотря на усилия прадеда, деда и отца, в общем, для русских условий довольно вольготно гуляла до конца столетия. Петровская европеизированная опричнина хорошо знала и эффективно делала свое дело. Это было связано еще и с тем, что и здесь Петр пошел дальше своего великого предшественника (Ивана IV). Иван Васильевич, расколов правящий слой, не довел до логического конца начатое. То есть не истребил поголовно не принятых в опричнину крупных, мелких и средних «феодалов», которые, как мы знаем, и учинили на развалинах грозненского ордунга «лихие нулевые». А Петр сделал все правильно. Сначала в качестве социального предупреждения он порубил головы «оппозиционерам» и, тем самым запугав и усмирив свое правящее сословие, превратил его скопом в новых опричников. То есть заставил отречься от своего феодализма и от своей земской русскости (заставил их считать себя «немцами»).

Дело Петра простояло дольше, но в целом недолго. Не случайно русская история после смерти Петра называется постпетровской. Но для нас эта неслучайность другая, нежели общепринятая. Сразу после его смерти начался, по сути, хотя это и не было так заметно, другой период. Оказалось, что и петровская опричнина не столь крепка и, как ему хотелось, эффективна. Внутри ее мгновенно разгорелась свара, она раскололась на враждебные группировки и имела дерзость менять людей на троне. В конечном счете доигралась до того, что получила свободу. И это было мщением Петру...

Схожим образом действовал Иосиф Виссарионович. Его опричниной, как мы понимаем, была верхушка советского общества, составленная из партийных, чекистских, хозяйственных номенклатурщиков. Им тоже было все позволено по отношению к той части общества, которая в нее не вошла. Никаких ограничений не существовало. Советской же земщине дали все, чтобы она считала себя самой счастливой: и лучшую в мире конституцию, и лучшее образование, и самую справедливую систему социальной защиты, и бесплатное жилье, и поразительно комфортное оптимистическое мироощущение. Разумеется, поскольку в этот раз земщина была так щедро облагодетельствована, сталинская опричнина – орда – для того, чтобы ей самой существовать и дальше (заметим, в русской истории земщина всегда могла существовать без

опричнины, а наоборот – никогда), была вынуждена ввести некоторые ограничения/изъятия. Так, табуизировалось любое, кроме утвержденного на сегодня, мировоззрение (здесь очень важно «на сегодня»: верность тому, что было «на вчера», квалифицировалась как смертное преступление). Временно, до момента окончательной победы коммунизма, отменялись все права человека. И даже те, которыми ему разрешали пользоваться, он мог пользоваться только по разрешению. Навсегда отменялись выборы. Но здесь иного и быть не могло: ведь в социалистическом обществе не было антагонистических противоречий – значит, не было и конфликта интересов. Впрочем, мы не будем дальше перечислять те небольшие ограничения, которые, повторим, была вынуждена ввести сталинская орда-опричнина. Удивляет лишь одно: что этот творец нового, небывалого так много восстановил в русской жизни старого, привычного. В первую очередь, конечно, крепостное право для крестьян. А во вторую, для горожан.

Приметой сталинского ордунга было то, что он, подобно Петру, который учел недостатки эксперимента Грозного, учел недостатки эксперимента Петра. А у Петра они были существенными. Он ведь, в лице своих опричников, ввел Россию в Европу, а опричники – они тоже ведь люди – подверглись тлетворному влиянию Запада, что привело к тому, что они стали как-то остывать к своему основному предназначению и все больше увлекаться идейками, стишками, – в общем, всей этой разлагающей русского опричника «материей». Сталин, хотя и говорят, что у него одна рука была повреждена, быстро и властно самолично опустил железный занавес. И, надо признать, сталинские и даже большинство послесталинских опричников оказались вне сферы тлетворного влияния Запада.

Далее. Сталин понимал, что настоящим, подлинно боевым и соответствующим эпохе модерности опричником нельзя быть в нескольких поколениях. Сомнителен уже сын опричника – тем более внук. Почему-то инерционно не удерживается главное предназначение опричника – бороться с врагами России (сталинского СССР). А вот Петр этого не знал и однажды, создав касту опричников, дал ей социально-физиологическое право плодить опричников во многих поколениях. Конечно, этот петровский недосмотр не мог не привести к вырождению опричного начала. Но Сталин понимал, что даже один человек в течение всей своей жизни не мог быть всегда опричником – несколько лет мог, а потом нет. И он ввел практику постоянного уничтожения опричных кадров с целью обновления и усиления опричного потенциала. Знаменитое кагановичевское: «Мы снимаем людей слоями». И надо сказать, этот новаторский для мировой истории прием принес небывалые плоды. Режим сталинской опричнины доказал свою полнейшую эффективность в решении тех задач, которые ему ставились, прежде всего в отношении земщины.

Но Сталин пошел еще дальше. Он многократно сообщал земщине и следовал этому сообщению, что кадры будущей опричнины рекрутируются из земщины, а не из рядов нынешних опричников. Тем самым он сделал свою опричнину общенародной. Теперь каждый советский человек в принципе мог стать опричником. К сожалению, он не учел двух обстоятельств (но в оправдание скажем, что их и невозможно было учесть). Первым обстоятельством стала война, в условиях которой непрекращающийся и прогрессивный по своей исторической сущности процесс обновления опричничества стал невозможен. Сталин, как трезвый государственный стратег (это А.И. Солженицын о нем; не верите? Да вот сноска²), отказался на время войны, в отличие от Гитлера, вести войну на два фронта – с фашизмом и своим народом. Он сосредоточил все силы на борьбе с фашизмом и в этой войне победил. И начал проигрывать в борьбе со своей же опричниной, а поскольку каждый советский человек являлся потенциальным опричником, то и со всем советским народом.

Второе обстоятельство – это его смерть, которая до конца обнажила антагонистическое противоречие сталинской конструкции опричнины. Соотношение «Сталин–опричник» было

² Солженицын А.И. Россия в обвале. – М.: Русский путь, 1998. – С. 137.

таковым: вечный Сталин и опричник на краткий исторический миг. Но оно было заморожено, пока он жил. Когда он умер, началась оттепель. Опричники решили тоже стать вечными. И всё – сталинская система была обречена.

Подведем итоги. Все три опричные системы обязательно гибнут после смерти своих демиургов. Но какой-то исторический период они существуют в более мягких, размытых формах. Выход из этих исторических тупиков бывает различным: через Смуту и искания XVII в. – к возвращению вновь к опрично-земской модели; через Великие реформы и трагедию революции – к новой опрично-земской модели и вот ныне – то, что перед нашими глазами – процессы, соучастниками которых мы являемся. Чем это закончится, неизвестно.

Есть еще три вещи, о которых необходимо сказать. Опрично-земская система в России не случайность, но историческая традиция. Опрично-земская система недолговечна и заканчивается либо крахом, либо попыткой перейти к какой-то иной модели. Возвращение к опрично-земской системе в условиях современного мира представляется маловероятным. Если же попытки будут предприняты, то, по всей видимости, они закончатся небывалым историческим поражением, поскольку принципы этой системы полностью несовместимы с вектором мирового социального развития. Кроме того, эти попытки столкнутся с фундаментальным сопротивлением в самом русском обществе, которое, как представляется, переросло это конструкцию и вполне готово к социальному творчеству и реформам.

А теперь немного истории...

В скобках: буквально несколько слов о генезисе русского опрично-земского ордунга

Как же происходило его формирование? – Об этом весьма убедительно пишет современный отечественный историк Н.С. Борисов. «Со времен Ивана Калиты московский князь играл роль общерусского «сельского старосты». Орда возложила на Даниловичей обязанности по сбору дани, поддержанию повседневного порядка и организации разного рода «общественных работ» главным образом военного характера» (2, с. 8). Вообще-то должность общерусского сельского старосты была многотрудной, но в то же время исторически благодарной, поскольку был приобретен бесценный опыт. «Великий князь Владимирский отвечал перед ханом за все, что происходило в «русском улусе». Он имел множество недоброжелателей, завистников и клеветников. Остерегаясь козней врагов, он должен был быть всегда начеку, иметь надежную охрану и не жалеть средств на разведку. (Представляю, с **каким пониманием** прочли бы эти строки позднейшие русские правители. – Ю.П.) Однако всякий труд предполагает вознаграждение. Даниловичи уже в силу своего первенствующего положения получили ряд преимуществ перед другими князьями. Через их столицу шли «финансовые потоки» – дань в Орду со всей Северо-Восточной Руси. Они имели исключительное право на аудиенцию у хана и, пользуясь этим, могли устранять своих соперников руками татар. Эти две привилегии великие князья охраняли как зеницу ока» (там же, с. 9). Автор подчеркивает: «В роли «общерусского старосты», назначенного Ордой, московские князья... накопили большой организаторский опыт, научились добиваться неуклонного исполнения своих требований, наладили обширные личные и династические связи. Весь этот сложный механизм до поры до времени работал в интересах и на благо Орды (там же).

Но вот пришли иные времена. «Ослабление Орды, начавшееся после кончины хана Джанибека (1357), поставило московских князей перед нелегким выбором. «Приказчик» вдруг остался без «барина». Собирать дань уже было незачем. Москве приходилось выходить из ордынской тени и начинать свою собственную игру» (там же, с. 10). И далее: «Московские князья могли либо смиренно «отказаться от должности» и вернуться на положение рядовых членов княжеского сообщества, либо использовать находившийся в их руках отлаженный тата-

рами механизм великокняжеской власти для собственных целей» (там же). Как мы знаем, был избран второй путь. Приказчик сам стал барином. Ханская ставка была перенесена в Кремль (Г.В. Федотов). С этого момента (рубеж XV–XVI вв.) отлаженный татарами механизм великокняжеской власти заработал на нового хозяина, т.е. на самого себя. Соответственно, потребовалось и создание новой орды, уже русской, православной. Ведь «барина» без орды не бывает. Вопрос теперь стоял только в формах реализации барина–орды. Как только очередной вариант ослабевал, начинался кризис (смута). В результате разрешения которого **всегда** являлось на свет новое издание орды (барина).

...И буквально несколько слов о понимании опричнины.

Ода в прозе Александру Зимину

Один из наиболее талантливых историков второй половины XX столетия А.А. Зимин в своей замечательной книге «Опричнина» (4) ищет и находит истоки этой самой опричнины. Их три: добить удельщину князя Андрея Старицкого, полностью подчинить Новгород и, говоря современным языком, окончательно этатизировать церковь. Ивану IV (по Зимину) это удастся. Но последняя фраза исследования звучит так: «Россия стояла в преддверии грандиозной крестьянской войны...» (4, с. 286). Получается как раз обратное: Ивану Грозному ничего не удалось. В начале XVII столетия налицо была не удельщина, а полный развал Руси. Не отличный от Москвы Новгород, а Новгород, ушедший добровольно под шведов. Не церковь под государством, а церковь в лице Гермогена как единственно русский голос. Тиран-преобразователь потерпел полное поражение...

Да нет, конечно, он победил. А.А. Зимин был полноправным – и в научном, и в моральном смысле – наследником русской историографической традиции. Однако ни он, ни его учителя не учли в русской истории главного. Причем традиция была еще «молода» и ничего не «знала» про русскую революцию, а Зимин, видимо (это предположение), по каким-то неизвестным для меня причинам экзистенциально не пережил второго в XX в. великого русского исторического события – войны. Ее смысл для русских был не в победах или в поражениях («но поражение от побед ты сам не должен отличать»), а в начале восстановления русской жизни.

Во Франции реставрация победила революцию после окончательного поражения Наполеона. Поскольку Наполеон, а не Робеспьер, был настоящей революцией. **В России реставрации не произошло** (об этом см. следующий раздел этой работы. – Ю.П.), **но в ходе великой войны мы приступили к изживанию революции**. Настоящей революцией в России был Сталин, а не Ленин. Ленин, подобно Робеспьеру, был отброшен историей. Как говорил Троцкий, на свалку истории.

Вот этого, как мне кажется, не учел замечательный русский историк А.А. Зимин. Он пытался понять XVI век, преодолевая «феодализм», «классовую борьбу», «централизацию» и, как сказали бы сегодня, формирование территориальных политий. Но историю нельзя понимать, как ее понимают профессиональные историки. Ее просто невозможно понять так, как ее понимают профессиональные историки. По одной простой причине. И эту причину назвал не историк, а стихотворец: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом».

А.А. Зимин – единственный, кто прочел русскую историю глазами свободного русского, оставшись в рамках тоталитарного советского. Величие его именно в этом, поскольку ему это удалось. Те из его современников, кто вышел за рамки советского, были вынуждены оказаться за пределами науки. Так вот, А.А. Зимин положил всю свою вдохновенную жизнь на попытку понять первую половину фразы Б. Пастернака. Он, увы, как мы уже сказали, не имея экзистенциального «восстановительного» опыта (в отличие, скажем, от деятелей французской Реставрации Шатобриана и Бенжамена Констан, породивших две основные ветви современного мышления – консервативное и либеральное), отдал свой гений выяснению отношений

с Беляевым, Чичериным, Ключевским, Платоновым, Покровским, Лешковым, Тихомировым, Скрынниковым и т.д. Подобно им, он думал, что найдет причины и объяснения опричнины в тщательнейшем прочтении грамот и прочих документов той эпохи. Он был, конечно, громадный талант – и советский человек. Изучение ростовских князей не привело его к пониманию эссенции русской истории, экзистенциальному ее осмыслению.

Здесь мы скажем прямо и грубо. У нас, русских, есть потребность только в этом. Если археологические, архивные, историографические «революции» не ведут к этому, не являются поводом для этого, то все их содержание сводится к... А.А. Зимин – еще раз скажу, – один из лучших советских историков – ничего об этом не знал. Он поразительным образом дышал воздухом архивов, а не истории.

Так чего же не учел А.А. Зимин? Главного: опричнина не была против Новгорода, против уделов и даже против церкви. Опричнина не была против боярства, против государственных измен, против примитивного западного влияния. Она вообще не была против; она была за. За что? Она была не способом формирования русского централизованного государства; она была великим реставрационным зачином воссоздания ордынского ордунга в моей и А.А. Зиминой стране. В ходе этой реставрации сформировалось не централизованное русское государство, а безотказно-безответственная технология по эксплуатации населения и природы нашей страны. Никакого иного смысла опричнина не имела. Новгород, Андрей Старицкий и даже церковь – это «мелочевка». Их можно было задушить с помощью технологий дедушки – Ивана III. Здесь игра шла по самому высокому счету. На кон была поставлена, говоря выпенрено, судьба России. И, к чести России, она сказала И.В. Грозному: «Нет!»

Смута, которую проклинали все мыслящие русские люди, стала великим опытом противостояния реставрации ордынско-грозненского ига на Руси. Смута – это подвиг русских в борьбе за свое христианское, арийское бытие. Арийское только в одном смысле: мы – европейцы. Мы не между Европой и Азией, Европой и Евразией. Мы – европейский народ. Как это связано со Смутой? Да прямо. Если мы сами способны были только на ордынскую власть, – пусть придут европейцы, шведы и поляки. Смута – это по негативу наш европейский выбор. Именно поэтому она так ненавидима адептами «централизованного государства».

Но А.А. Зимин этого не мог знать. У него не было этого, повторю, экзистенциального опыта, содержание которого в следующем. Русские в очередной раз (по крупному – во второй) победили европейцев. И что же? Русский ум, русская энтелехия поняли это, как всегда, по-своему. Мы одолели «немца», который со времен Петра правил нами 300 лет. Так значит мы не хуже немцев. И после этого начал разлагаться советский панмонголизм и формироваться русский европеизм.

Итак, Иван Грозный полностью уничтожил то, что сделал его дедушка. Вернее, то, что приписывается его дедушке. Собственно говоря, между дедом и внуком такое же историческое соотношение, как между Лениным и Сталиным. Это неожиданное даже для меня самого сравнение не столь необязательно, как это может показаться на первый взгляд. Я усилию: Иван Грозный – настоящий генсек в «правительстве» предсовнаркома Ивана III. То, что у дедушки было интенцией, у внука стало главным. Как говорил ленинградский поэт Бродский – «рзать». А ленинградский кэзэбэшник Путин – «мочить».

Чтобы понять опричнину Грозного, А.А. Зимину надо было понять опричнину Сталина. Но и мы не поймем того режима, который складывается сегодня, если повторим опыт великого советского историка А.А. Зиминой. И знание этого опыта говорит нам только одно: хотите понять современную Россию, вспомните сталинизм, петроградизм (выражение Герцена) и грозненский ордунг.

Загадка СССР

А теперь обратимся к «советскому», к природе «советизма» (этот разговор мы ведем уже в третьем выпуске «Трудов...»).

Как же стал возможен советский коммунизм? Неужели это результат (или следствие) русской истории? Ничего похожего в прошлом не было. Смута начала XVII в.? Ну, какие-то черты одинакости просматриваются. Однако не более того. Так, может, это реакция на вхождение России в современный мир? Если это так, почему же в такой страшной форме?

Предреволюционная Россия была вполне успешной. Росло благосостояние народа, эффективно развивалась экономика, преодолевался аграрный кризис, демократизировалась политическая система, культура и наука переживали расцвет. Война? На фронте ничего выходящего за рамки войны не произошло. И дело шло к победе, и количество жертв было сопоставимо с потерями главных участников всемирной бойни. Разумеется, имелась масса проблем, все они требовали решения. Но ничего, ничего фатального, predetermined не было и в помине. Однако грохнуло.

Через семьдесят четыре года также внезапно коммунизм-советизм развалился. «Мое основное наблюдение сводилось к тому, что Советский Союз был отменен из-за отсутствия интереса к его существованию. И никто не хотел выступить в его защиту», – говорил Джеймс Коллинз (в 1991 г. – первый зам. посла США Джека Мэтлока, в 1997–2001 гг. посол США в России)³.

«Таинственное» появление, «таинственное» исчезновение. Между ними – нигде никогда небывалый строй. Который оценивается в диапазоне: суицид русского народа – величайший в истории подъем России.

В начале 80-х годов Эдгар Морен писал: «СССР – САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (так у автора. – Ю.П.) и главный вопрос для современного Человечества» (6, с. 15). Наверное, в этих словах содержится определенное преувеличение, но то, что СССР один из самых больших экспериментов и вопросов – точно. Во всяком случае, для русской науки нет вопроса важнее. Скажу больше: настоящее и будущее (обозримое) России зависит от того, как мы ответим на все эти вопрошания.

Но неужели ответы еще не найдены? Ведь советскому коммунизму посвящены тома и тома работ. Скоро уж столетие Октября, а это означает, что ровно столько же этот феномен анализируется. Чего же нам неизвестно? – Да всё. И только с этой позиции исследователь должен начинать. Конечно, изучить тонны ранее написанных трудов. И после этого – с чистого листа.

Вот, скажем, тема: революция. То, с чего все началось. Казалось бы, Великая французская задала норму. Отныне и навсегда все революции меряются по ее стандарту. А этого решительно делать нельзя. Там революция поднялась ради частной собственности для всех, а у нас ради отмены частной собственности для всех. Там революция вдохновлялась идеями мыслителей Просвещения, mainstream-ом интеллектуальной культуры, у нас – большевистско-марксистским «дайджестом», который никогда не входил в русский мейнстрим, был периферийным продуктом. Между Наполеоном и Сталиным тоже ничего общего... Там революция позволила утвердиться новому порядку, формировавшемуся в недрах старого. У нас революция раздавила этот новый порядок и ревитализировала многое из того, что вроде бы уже уходило.

Маркс назвал революции локомотивами истории. Для Европы это, может быть, и верно. Они тащили это самое новое в настоящее и будущее. А вот для нас и нашей революции зву-

³ Коллинз Дж. «Мы обменивались информацией с Ельциным, но не помню, чтобы предлагали укрыть его в американском посольстве» / Интервью: Совершенно секретно. – 2011. – Август, № 8/267.

чит двусмысленно. Ведь если и она локомотив истории, то, побивая современное, новое, она влетала в прошлое, традицию и беспощадно давила их своими колесами. Этот «локомотив» лишал нас не только настоящего, но и прошлого. Лишь наивные простаки полагали, что он мчит нас в будущее. – Мы-то оказывались у разбитого корыта... И эта футуристическая мания («будущее!», «все для будущего!», в «будущем будем жить счастливо!») была, конечно, платой за разбитые прошлое и настоящее. Большевики как будто убегали от ими же устроенных развалин. Поэтому они и кричали: «догнать», «перегнать». Гонщики!..

И вдруг, другими словами мы уже говорили это, гонка оборвалась. Исчез СССР, как и родился, тоже совершенно по-своему. Поэтому наряду с «революцией» тема руссиеведения – «почему погиб советский режим». Попробуем сказать об этом. Итак...

Почему погиб советский режим (краткий эссе-памфлет)

Почему погиб советский режим? – Он не мог нормально существовать в условиях спокойствия. Советская система была создана (сконструирована) для функционирования в чрезвычайных условиях: для того, чтобы обрушивать террор, вести тотальные войны, постоянно взнуздывать население (через беспощадные мобилизации). Но никакой социальный порядок в истории человечества долго этого выдержать не может. Устает.

Металлические конструкции нередко рушатся внезапно, без, казалось бы, видимых на то причин. Специалисты говорят: усталость металла. Ее, насколько мне известно, практически невозможно вовремя диагностировать. Это же произошло с советской системой. В. Маяковский мечтал: «Гвозди бы делать из этих людей». – Сделали. Но гвозди устали. Сломались.

Советская система представляется мне прямой противоположностью городу Венеции. Венеция стоит на лиственничных сваях, которые со временем не гниют, а, наоборот, приобретают устойчивость, сравнимую с камнем. Здесь же металл устал – постройка рухнула. Но режим был далеко не так «глуп», как полагали многие, в том числе и автор этой работы. Даже в период расслабления, когда вроде бы его руководство отбросило курс на безжалостное достижение непонятого и неведомого коммунизма и погрузилось в банно-охотничью *dolce vita*, он вдруг пускался на совершенно авантюрные, безумные действия. Но это лишь казалось, что они таковы. Ярчайший пример – афганская война. Или сверхзатратная поддержка уголовного режима братьев Кастро. Или африканские затеи. И т.д.

На самом деле система пыталась взбодрить себя, вновь окунуться в атмосферу «и вечный бой, покой нам только снится». Это как ушедший на «пенсию» спортсмен пытается вернуть себе былую форму. С одной стороны, мы знаем, что спортсмен, прекративший тренировки, снизивший нагрузки на организм, особенно уязвим для всякого рода болезней. С другой – если он переусердствует, исход может быть гибельным.

Видимо, что-то подобное происходило и с нашим режимом. Это доказывает: социальные порядки подобного типа не реформируемы – они против природы человека.

Между прочим, и предшественники советской системы (опричнина грозненская и петровско-крепостническая) проделали тот же путь. Правда, грозненская рухнула сразу же после кончины ее творца. И в России началась война всех против всех. Она стала возможной не только как естественная реакция различных общественных групп на ужас опричного строя, но еще и потому, что сами эти группы были еще недостаточно закрепощены, не «научились» еще безмолвствовать.

А вот после смерти Петра смута не началась. Всё уже было под замком (это Герцен говорил, что предшественники Петра, особенно папа его, заковывали народ в кандалы. А замкнул их замком немецкой работы Петр Алексеевич). Бунтовала только гвардия (а не всё дворянство – оно тоже большей частью своей было превращено в рабское сословие). То есть право на бунт

оставили у совершенно незначительной части населения. И это было единственным из прав человека в тогдашней России.

С советской системой оказалось сложнее. Сами ее начальники начали постепенный демонтаж. Главным (основным) проявлением этой политики стало относительное раскрепощение населения. Тем самым они отсрочили обвальное падение системы и одновременно заложили мину в ее фундамент. Смута все-таки пришла. Но уставшие за 70 лет люди в основном занялись не взаимным убийством, а приватизацией.

Кстати, **эта** приватизация была **подлинной**, т.е. не той, которую связывают с министром Чубайсом. **Эта** приватизация стала всеобщей: в ней участвовало все население. То есть она имела характер общенародный – и не случайно. Идеологи советской системы настаивали на общенародном характере своей системы. И в этом смысле народ имел полное право, когда она рухнула, взять себе все. В таком контексте приватизация по Чубайсу выглядит как контрприватизация, как узурпация общенародного кучкой проходимцев. В этом главное содержание смуты конца XX – начала XXI в. И хотя по видимости победили чубайсы, на самом деле и народная приватизация достигла громадных успехов.

Обратим внимание: мы ничего не сказали о событиях революции, Гражданской войны и первых лет становления системы. А ведь по видимости они схожи с постгрозненской и постсоветской смутами. Но именно по видимости, а не по сути. Октябрь и последовавший за ним исторический период – это не реакция на гибель, разложение насильнической системы. Напротив, это реакция на появление в России открытого общества. Это отказ от замаячившей свободы. Солидарный протест тех социальных групп и тех модальных типов личности, для которых свобода – что-то типа морской болезни. И они предпочитают сжечь корабли, чтобы не искушать судьбу. К сожалению, тогда такие группы и личности составляли большинство.

Конечно, советская система намного сложнее, чем грозненская и петровская. Поэтому и история ее тоже богаче. Материальной метафорой этой системы являются тракторные заводы. Они хоть и строились как тракторные, но подлинной целью было создание танков. Объявлялось: в сельском хозяйстве переход к социализму будет осуществлен (помимо прочего) посредством его (сельского хозяйства) коренной технической модернизации. В реальности же готовились к войне. Поэтому и для настоящих нужд сельского хозяйства создавались тракторы, так сказать, с танковой основой. То есть неэффективные, малопригодные для сельского хозяйства. С помощью этих танков-тракторов режим вел постоянную битву за урожай. Благодаря такой политике система, хоть и с трудом, выиграла войну, но проиграла битву за урожай.

Особенность советской системы также и в следующем: в 1956 г. ее руководство решилось на самоубийственный шаг. Оно провело свой Нюрнбергский процесс. Я настаиваю на том, что XX съезд был **СОВЕТСКИМ** Нюрнбергом. И потому никакого другого Нюрнберга в России уже не будет. При всей внешней (с нынешней точки зрения) скромности и робкости саморазоблачения это было именно саморазоблачение. Замечу в скобках, что это одно из самых морально достойных событий в русской истории за все ее тысячелетие. Даже, вероятно, притом, что оно стало возможным в результате острой внутрипартийной борьбы. То есть такая цель – саморазоблачение – не ставилась. Но после этого Нюрнберга система была обречена. Начался процесс эмансипации.

И потому в Смуте конца XX – начала XXI в. наряду с прогрессивной общенародной приватизацией началось контрэмансипационное реакционное движение. Парадокс истории заключался в том, что его вождем стал человек, добивший советскую систему, – Б. Ельцин. Кому русские поставили памятник как человеку, прекратившему Смуту начала XVII в.? – Козьме Минину. Кого сегодняшняя власть начинает облекать в памятники? – Бориса Ельцина. Козьма Минин спас русскую систему в момент ее становления. Борис Ельцин – в минуту ее, казалось бы, умирания. Это он отдал то, что принадлежало всему народу, на разграбление кучке бандитов. При этом нанес удар и по традиционалистско-советским силам, которые в своей наивности

и невежестве надеялись на реставрацию советизма. Он освободил историческую сцену России от массовки, претендовавшей на свою долю в переделе. И от непрогнозируемых экстремистов старого и нового образца. И совершенно не случайно, что он передал власть единственной пока еще в русской истории не разлагавшейся (не в моральном, а в социально-организационном смысле) корпорации спецслужбистов.

Парадоксальным образом Б. Ельцин является одновременно и героем русской свободы, и героем русской несвободы.

Далее: о спецслужбе и наиболее употребительном в русском языке наряду с «правдой» слове «коррупция».

О роли коррупции и КГБ в новейшей русской истории

У Алена Безансона есть сборник статей «Советское настоящее и русское прошлое» (1). Все тексты написаны до перестройки. По-русски эта книга вышла в 1998 г. И казалось, что ее содержание имеет, так сказать, ретроспективное значение... Прошло тринадцать лет, и совершенно очевидно, что анализ Безансона по-прежнему актуален. Правда, при одном условии: необходимо поменять угол зрения. Сегодня это выглядит так – «Русское настоящее и советское прошлое». Иначе говоря: в каком соотношении находятся ушедшее советское и наступившее русское? И действительно ли советское кануло в Лету? Или современное русское есть инобытие советского?

Итак, в начале 70-х годов Безансон писал: «...Токвиль отметил, что революция завершила государственную эволюцию старого режима. В префекте он видел очевидного наследника интенданта. Но вряд ли он мог обнаружить прямую связь между интендантом и Карьером, который топил подвластных ему граждан, или Фуше, который их расстреливал. Для того чтобы связь не прервалась, необходим отказ от утопических целей. Только реставрация (наполеоновская или монархическая) позволяет восстановить историческую преемственность, включить в нее революцию. Однако до сих пор ни одна большевистская революция не закончилась реставрацией» (1, с. 76). «Ни одна» – значит не только русская, но и, к примеру, китайская и другие. Не будем обсуждать тему «не только русская», напротив, сосредоточимся на самих себе.

Французский исследователь прав: в рамках советского коммунизма реставрации не произошло. В отличие от хода событий на его родине и в Англии, где историческая преемственность была восстановлена. А что же у нас? Безансон (мы не входим сейчас в разбор его концепции; важны выводы) отвечает: «...Советское государство... превращается в революцию абсолютную» (там же, с. 75). Вместе с тем оно «карикатурно имитирует исторические формы русского деспотизма» (там же)⁴. Да, большевистская революция была абсолютной. И в смысле того, что полностью, «до основания» разрушила дооктябрьскую русскую эссенцию (прежде всего основы христианской культуры, традиционные социальные группы, находившееся на несомненном подъеме гражданское общество), и в смысле того, что никак не могла закончиться, остановиться (правда, в хрущевскую «оттепель» и брежневский «застой» она потеряла свою зверскую интенсивность, перешла в более щадящую человека фазу). Что касается имитации, то это хоть и близкая, но все же иная тема. Оставим ее для последующего рассмотрения.

Однако реставрация произошла... На наших глазах. Антикоммунистическая и антисоветская революция конца 80-х – начала 90-х годов «диссоциировалась» в реставрационном режиме Владимира Путина. Причем это восстановление коснулось всех сфер жизнедеятельности общества: властной, хозяйственной, гражданской, интеллектуальной, символической и

⁴ Этот имитационный характер позднесталинского режима неплохо зафиксирован в строчках Георгия Иванова: «...Двухсотмиллионная Россия, – / “Рай пролетарского труда”, / Благоухает борода / У патриарха Алексия. / Погоны светятся, как встарь, / На каждом красном командире, / И на кремлевском троне “царь” / В коммунистическом мундире» (3).

т.д. Подчеркнем: речь не идет о тотальном возвращении, скажем, в 70-е годы. Такого никогда ни у кого не было. И у нас. Имеется в виду следующее: советская субстанция, советское *per se* сумело не просто сохраниться и вновь развернуться. Случилось как раз то, о чем говорил Токвиль: «...Революция завершила... эволюцию старого режима». Таким образом, ленинско-сталинская революция была полным сломом *ancien régime*, а горбачевско-ельцинская завершила эволюцию советизма.

Этот вывод для меня очевиден (да об этом пишет всяк кому не лень...). Но его необходимо не то чтобы доказать – объяснить. Почему, к примеру, русская революция не прошла фазу реставрации? Почему хрущевско-брежневская система, разрушенная было Горбачевым–Ельциным, ренессансировалась в путинскую эпоху? А ведь это ключевой вопрос не только научного познания, но и политики. Одно дело, когда мы констатируем очередную неудачу России на путях к свободе, другое, когда описываем «удачу» в восстановлении эссенциально-советского. При этом сама революция конца XX в. понимается как необходимое действие для перехода в новое, более современное и боевое состояние и становится воплощением того, против чего она вроде и была направлена... И почему, когда ушло коммунистическое (которое совершенно не равно советскому; мы поговорим еще об этом), не вернулось русское? И в каком соотношении находятся русское и советское?

Впрочем, давайте не торопиться. Начнем не то чтобы издалека, но не с главного. И пусть Алан Безансон по-прежнему остается нашим чичероне в странствиях вокруг советского. Когда-то в середине 70-х он написал работу, которая широко известна в России, весьма часто цитируется (в том числе и мною). Правда, только теперь становится понятна феноменальная глубина этого текста. Он называется: «Похвальное слово коррупции в Советском Союзе» (см.: 1, с. 177–200). Примечательно, что это – предисловие к французскому изданию книги И. Земцова «Коррупция в Советском Союзе». Илья Земцов был зав. Отделом информации ЦК КП Азербайджана, профессором научного коммунизма в одном из вузов Баку, социологом, связанным с КГБ (по собственному признанию). В конце 1973 г. он эмигрировал в Израиль. Впоследствии написал несколько книг о советской политике и советских вождах. Его очень ценят в современной России. Живет он в США, в 2011 г. избран иностранным членом РАН. То есть его признали те, которых он разоблачал, которыми он возмущался...

В общем перед нами безансоновский аналитический комментарий к земцовской фактуре (богатой, важной, интересной): «Коррупция есть болезнь коммунизма, и потому в рамках противопоставления между “ними” и “нами”, между партией и обществом коррупция для последнего есть признак здоровья. Она есть не что иное, как проявление жизни, жизни патологической, но которая все же лучше, чем смерть. В ней проявляется возрождение частной жизни, ибо сама фигура есть победа личности, индивидуальности. Отношения между людьми вместо того, чтобы выливаться в искусственные формы идеологии, возвращаются на твердую почву реальности: личной выгоды, спора о том, что положено мне, что – тебе, сделки, заключаемой в результате соглашения между сторонами, пользующимися определенной автономией. Фальшивые ценности, существующие лишь на словах, и чье принудительное хождение обязано лишь непрочной магии идеологии, быстро оказывается погруженным в “ледяную воду” эгоистического расцвета... Это возрождение общества, идущее окольным путем коррупции, может быть охарактеризовано в терминах экономики как возрождение рынка» (1, с. 186–187).

Конечно, этот гимн коррупции как возрождению общества по крайней мере странен. Ведь мы знаем: это болезнь общества. Кстати, Безансон этого не отрицает. Но болезнь коммунизма, настаивает он, есть, пусть и идущее «окольным путем», выздоровление общества. Что же, не будем (пока) оспаривать эту «негативную диалектику». Тем более сам автор мгновенно снижает пафос гимна «животворящей» коррупции: «Однако это возрождение принимает столь разнужданные формы, что у нас возникает искушение позаимствовать у Маркса не только его громоподобные нападки на подобную систему, но даже его методы анализа. То, что процветает

в Азербайджане (как мы знаем, и во всем СССР. – Ю.П.) под застывшей коркой социализма, – разве это не капитализм эпохи молодого Маркса, «дикий» капитализм? Ни во времена Гизо, ни Пальмерстона рыночная экономика не охватывала такого количества различных секторов, которые даже в годы наивысшего разгула свободной конкуренции и свободы торговли в XIX в. находились в ведении публичного права, под надзором государства, и развитие которых определялось соображениями общественной пользы. Система государственных учреждений (в СССР. – Ю.П.), призванных удовлетворять потребности всего общества, стала пленницей озверелого взяточничества и практики купли-продажи должностей» (1, с. 188).

Далее А. Безансон говорит, что все это напоминает начальный процесс формирования капитализма – марксистское «первоначальное накопление». «В самом деле, ученый автор «Капитала» не преминул бы подметить докапиталистический и даже «феодальный» характер советской экономики. Разумеется, существует также и целая система хитроумного бухгалтерского учета, «проведения» денег по другой статье, фиктивных счетов и накладных, которая, как иногда может показаться, сближает эти операции с «современными методами» уклонения от уплаты крупных налогов и подпольным бизнесом американской мафии. Однако в советской системе доминируют архаические черты, и главная из них – это то, что Маркс назвал «феодальными поборами». Действительно, согласно марксистской доктрине, капитал должен возникать по перераспределению в результате «свободной игры» факторов рынка, а не за счет изъятий в процессе внеэкономического принуждения. Однако азербайджанский (т.е. советский. – Ю.П.) капитализм существует за счет собственного паразита – партии, которая взимает с него феодальную дань на всех уровнях» (там же).

И потому, подчеркивает французский исследователь, «торговцы (или, если угодно, спекулянты) не смогут оформиться в самостоятельный класс. Партия бдительно следит за тем, чтобы их деятельность оставалась противозаконной, и пользуется ее противозаконным характером, чтобы безжалостно грабить их же спекулянтов... Более того, для партии было бы весьма заманчиво взять эту подпольную экономику под свое начало. Однако по мере того, как она проникает в глубь этого рынка, рынок проникает в нее. Партийная иерархия, вместо того чтобы подчиняться своим собственным принципам, начинает подчиняться законам, управляющим системой купли-продажи должностей. Теперь уже не только технические должности (ректор университета, председатель колхоза) или должности, связанные с аппаратом власти (в системе судопроизводства и в милиции), оказываются включенными в эту систему – рыночную стоимость приобретают внутренние посты в самой партии (секретарь обкома, райкома и т.д.). Нравы внутри партии заражаются стилем экономического «подполья» и в результате смягчаются и цивилизуются. Между партийными товарищами устанавливается нечто вроде солидарности и неписанные корпоративные законы преступного мира, подобные тем, которые управляют поведением американских «мафиози»... Возникает острая политическая проблема.

Действительно, партия не может раствориться в формирующемся классе частных предпринимателей без того, чтобы изменить свою природу и исчезнуть. Она это прекрасно понимает, и потому замешанные в коррупции работники ее аппарата... тщательно скрывают свои богатства... с удвоенным рвением демонстрируют свою лицемерную приверженность идеологии. Они не чувствуют себя в безопасности и они правы, ибо они ставят под угрозу власть, безопасность всей партии...» (1, с. 189).

Кстати говоря, коммунисты столкнулись в 70-е – начале 80-х годов с подобной ситуацией не впервые. Так уже было, по мнению Безансона, в 1929 г. (после нэпа) и в 1945 г. (после великой освободительной победы народа). И «партия... сумела найти средства для нанесения ответного удара» (там же, с. 192). То есть была «восстановлена непреодолимая пропасть между партией и обществом, реставрирована идеология в качестве абсолютной нормы... Чтобы преодолеть это, потребовалось провести радикальную чистку в партии. И поставить общество на отведенное ему место, систематически уничтожая те структуры, в которое оно оформлялось, и

разрушая недозволенные узы солидарности. Это оказалось возможным лишь ценой огромных опустошений» (там же).

Собственно говоря, в этом и есть суть той системы, которую создал Сталин и которую в предыдущем выпуске «Труды по россиеведению» я назвал Коммунистическим режимом–1 (КР–1). Но «после смерти Сталина обществу были сделаны определенные уступки, и оно бурно восстанавливается под прикрытием длительного нэпа, хотя и в патологических формах. Оно окружает партию со всех сторон, заставляет ее понемногу войти в свою сферу и начинает поглощать ее и переваривать» (там же). А это, по моей классификации, – Коммунистический режим–2 (КР–2).

А. Безансон усиливает: «Теперь можно себе представить, перед лицом какой угрозы оказывается сама суть партии, если она начинает углубляться в общество, если она вступает с ним в контакт на равных, на уровне общих интересов. Однако именно это она и делает, участвуя, будь то в качестве вымогателя или надсмотрщика, в жизни экономического общества, которое создано не ею, которое выросло за ее спиной, естественно и органично, помимо ее контроля» (там же, с. 191–192). Несколько забегаю вперед, хочу напомнить мою гипотезу о земско-опричном устройстве русского социума. Классический вариант этой диспозиции – взаимоотношения Орды (опричнины) и Руси (земщины). Здесь все построено на дистанционном принципе: нельзя сблизиться, причем в прямом, физическом смысле. Иначе опричнина начинает терять свои главные качества. Вот это-то и имеет в виду Безансон, но, разумеется, на языке и в рамках своей концепции...

Что же делать? Что делать коммунистам в такой ситуации? По А. Безансону, вроде бы два пути. Первый – новое издание сталинщины, возвращение в КР–1; второй – пусть все идет своим чередом, и постепенно в России возродится более или менее приличный, нормальный, «как везде и всегда», порядок. То есть страна со временем (не скоро) вылечится от худших язв коммунизма.

Однако советские лидеры выбрали третий путь. «Земцов позволяет нам проследить за политической линией, которой партия следует в действительности, на примере подробно описываемой им карьеры Алиева (Гей-дар Алиевич Алиев, председатель КГБ Азербайджана, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджана, первый зампред Совмина СССР; впоследствии президент Республики Азербайджан. – Ю.П.). Его взлет, начавшийся в 1969 г., до сих пор не исчерпал всех скрытых в нем возможностей (напомним: этот текст писался в 1976 г. – Ю.П.). На последнем съезде КПСС в 1976 г. Алиев поднялся еще на одну ступень партийной иерархии. Эксперимент был местного значения, но накопленный опыт годится не только для Азербайджана. Это старый метод российской администрации, существовавший еще в царское время... затем перенятый большевиками: проводить испытания какой-либо новой политики в локальном масштабе, перед тем как распространить ее на всю Империю. Таким образом, карьера Алиева знаменует собой начало того, что автор называет “бесшумной революцией”, уже осуществленной во многих местах на периферии, хотя она еще не одержала победу в центре. Как ее описать? Она стремится избежать как опасностей жесткого курса, так и опасностей линии попустительства, невмешательства в ход событий, и исходит из чисто прагматических соображений. Сторонники этой линии констатируют, что в партии царит коррупция, и хотят ей положить конец. Для этого нужно найти в партии внутренние резервы, “людей с чистыми руками”, элиту неподкупных, способных восстановить порядок и утвердить law and order. Этот лозунг американской демократии напрашивается сам собой, но в советском случае неподкупных требуется отыскать внутри самой мафии» (1, с. 197).

А. Безансон вопрошает: «Где же взять этих “железных рыцарей с чистыми руками”»? (там же). И ответ молниеносно приходит сам собой: «Конечно же, это наши славные чекисты. В КГБ существуют, и в достаточно большом количестве, прекрасные экземпляры “нового человека”, которого партия сумела создать за шестьдесят лет. Строгий отбор, незаурядный

корпоративный дух, безупречное коммунистическое воспитание, полученное в специальных школах, наконец (и прежде всего) материально обеспеченная, интеллектуально интересная и морально престижная карьера, – все это делает КГБ подходящей для этой цели организацией, состоящей не только из преданных коммунизму людей, но еще и способных его **любить**» (там же, с. 197–198).

Ну, на счет «любить», конечно, преувеличение. Теперь мы это знаем. Но главное не в этом. Добились ли они, «наши славные чекисты», успеха? Нет, им не удалось спасти СССР и коммунистический режим. Однако они сумели спасти «советское», «советизм» (об этом еще поговорим). То есть алиевщина, а в рамках всей страны это явление, видимо, правильно было бы назвать андроповщиной, была инструментом, с помощью которого коммунисты попробовали сохранить и обновить свою систему. Оказалось же: у Истории на чекистов свои планы.

Кстати, а что за программа была у Г.А. Алиева (Ю.В. Андропова)? Весьма простая, говорит А. Безансон: «Доверить максимальное число постов работникам КГБ, провести чистку наиболее скомпрометировавших себя сотрудников аппарата, а остальных пропустить через курсы повышения квалификации в школах того же КГБ» (1, с. 198). Безусловно, все это было обречено на неудачу. Нельзя опрочнине сближаться с земщиной. Дистанция и еще раз дистанция! И «рыцари с чистыми руками» оставались справными опрочниками, «покуда пребывали в асептической и находящейся под неустанным надзором среде государственной полиции. Подвергнувшись вредоносным испарениям жизни общества, они не замедлили сами включиться в механизм коррупции» (там же). К тому же в их среде начали устанавливаться «компромиссные» отношения, вытеснявшие привычные: «человек человеку волк», «если враг не сдастся...»; в общем нормальный ленинско-сталинский комплекс взаимного человеконенавистничества, основанный на единственно верном учении и его «этике», постепенно размягчался, дряхлел.

«Но поражение от победы ты сам не должен отличать». Вскорости окажется, что чекистская неудача на самом деле есть захват плацдарма для скорой победоносной операции. Так сказать, социального блицкрига.

Однако оставим пока Алена Безансона, оставим с громадной благодарностью, ведь он немало и славно потрудился для того, чтобы мы с вами лучше понимали самих себя (при этом попутно: далеко не все у этого блистательного исследователя равноценно, не все его подходы и выводы приемлемы). Обратимся к отечественному специалисту (кстати, он с большим уважением относится к А. Безансону и в значительной степени продолжает и развивает его) – Льву Михайловичу Тимофееву. В 2000 г. в издательстве РГГУ был издан сборник его работ «Институциональная коррупция: Очерки теории» (11). И тогда эта книга, безусловно, привлекла к себе внимание. Но сегодня, спустя десятилетие, с «сюрреалистической» очевидностью ясно, какой мощной объяснительной силой обладают его идеи. И особенно в контексте концепции А. Безансона, созданной чуть ранее теоретического прорыва Л. Тимофеева. Однако в историю науки они, наверное, пойдут дуэтом: Безансон–Тимофеев.

В статье «Зачем приходил Горбачев» (11, с. 223–235) Лев Михайлович пишет: «Не экономические проблемы тревожили коммунистов, но их политическая подоплека. В этом смысле партийная стратегия не изменилась со сталинских времен. Сталин в своих речах и выступлениях никогда не говорил об экономике, но о власти над экономикой. И в начале восьмидесятых его партийные наследники озаботились не кризисом экономики, но **КРИЗИСОМ ВЛАСТИ**: за явлениями нараставшего экономического спада коммунисты – после шестидесяти пяти лет безраздельного правления в России – явно различили мощную и все нараставшую оппозицию своему режиму» (11, с. 223).

Говоря об «оппозиции», Л. Тимофеев, конечно, имеет в виду и явный подъем коррупционного комплекса, и широкое распространение инакомыслия (пусть, и в пассивной форме, т.е. не в противостоянии), и практически общее неверие и недоверие коммунистической системе, и

т.п. Началась перестройка, обернувшаяся «катастрофой» (выражение А.А. Зиновьева) советского коммунизма. И вот на рубеже веков автор подводит итоги ельцинским 90-м. «...Вспомним, реформы Горбачева начались ради сохранения власти над человеком, над работником. И власть сохранили. В политике, в экономике распоряжаются те же люди и те же структуры. Но теперь в их руках не столько вожжи политической или административной власти над личностью работника, сколько кнут власти экономической – через монопольно контролируруемую систему банков, бирж, ключевых отраслей крупной промышленности. Вполне определилась власть крупного капитала над мелким, экономическая власть крупного капитала над собственником рабочей силы – человеком, работником.

Конфликт между властью и обществом обрел черты хоть и новые для России, но в общем-то традиционные для рыночной экономики: если общество – как потребитель – заинтересовано в свободной игре конкурирующих производителей, то монопольный владелец крупного капитала заинтересован в полном контроле над экономикой. Потребитель заинтересован в изобилии товаров и услуг, в стихийном развитии производства под напором общественного спроса..., но тому, кто монопольно владеет крупным капиталом, вовсе не нужна неуправляемая экономическая стихия, ему нужно как можно более строго упорядоченное, плотно контролируемое производство и распределение. Конфликт этот имеет отражение и в политических категориях – как конфликт между демократией и авторитарным или даже тоталитарным режимом.

В обществах западного типа обострению подобных конфликтов препятствует мощный, гибкий, замечательно жизнеспособный “средний класс”. Этот слой общества – с его неиссякаемыми предпринимательскими амбициями – истинный мотор рыночной конкуренции и основа политической демократии. В сегодняшней России “среднего класса” нет. Планомерно и целенаправленно его уничтожают всюду, где он мог бы появиться: в виде ли крупного фермерства или в лице новых предпринимателей в промышленности, строительстве, торговле. Для убийства все средства оказываются хороши: и бандитская налоговая политика правительства, и круговая порука взяточников-чиновников, и социальная демагогия радетелей о судьбах народа» (там же, с. 233).

Прокомментируем сказанное Л. Тимофеевым. Да, антикоммунистическая номенклатурная революция победила. И бывшие функционеры-бессобственники («пролетарии») захватили «общенародное» имущество СССР в собственность (на разграбление, на самом деле). Еще в 90-е Г.А. Явлинский поставил точный диагноз: «Ключевой вопрос 1992 года заключался в том, какой путь избрать: освободить старые советские монополии или освободить общество от старых советских монополий? Надо ли полностью освободить коммунистическую номенклатуру от всякого контроля, сказать директорам-коммунистам и коммунистической номенклатуре: вы свободны, делайте, что хотите?» (цит. по: 13, с. 82).

Теперь о «среднем классе». Сколько ожиданий, надежд, стенаний! И ничего. Не получилось. А ведь, как мы знаем, вернее, еще много лет назад узнали от таких людей, как Ральф Дарендорф (всемирно известный британо-германский социолог второй половины XX в.), средний класс есть основа «социальной плазмы». В свое время Р. Дарендорф, создавая теорию социального конфликта (во многом дискутируя с марксизмом), утверждал, что внимание следует концентрировать не на причинах, а на формах конфликта. Ни в коем случае вообще нельзя посягать на причины конфликтов, так как они суть одна из форм существования общества. Конфликты должны сохраняться. Но поскольку они все же опасны для стабильности и устойчивости общества, их необходимо поместить в некую среду, которая не поглотит их окончательно, но минимизирует разрушительную силу. Конфликты локализуются и перестают носить интенсивный характер. – Основной элемент этой среды, или «социальной плазмы», и есть, напомним, обширный средний класс. Главные характеристики – сохранение определенного общественного неравенства, наличие различных интересов и воззрений. Важнейшие орга-

низационные принципы – институты и процедуры по регулированию конфликтов, внятные правила игры для всех.

А что же у нас?

В известном смысле, современная Россия столкнулась со схожими проблемами (т.е. **такими**, которые вызывают необходимость «социальной инженерии» дарендорфовского типа). Если коммунистический режим был ориентирован на уничтожение причин конфликта (хотя на последней стадии своей эволюции был вынужден смириться с фактом их неизбежности), то нынешний уже не может и не хочет бороться с конфликтами **как таковыми**. Он вынужден существовать в условиях острых общественных противоречий. И потому стремится их минимизировать.

Путинские новации первого десятилетия наступившего века (партия власти, властная вертикаль, сокращение полномочий субъектов Федерации, создание президентских округов, административная реформа, изменения в избирательном законодательстве и т.д.) и есть создание русской **плазмы**, в которой конфликты будут протекать, но не разрушать общество. Только если на Западе эта плазма – социальная, то здесь – **властная**. «Властная плазма» есть принятие конфликта «в себя». Там: его внутреннее сгорание и одновременно – энергетическая подпитка.

При этом, если «социальная плазма» функционирует, как уже отмечалось, с помощью четких процедур и обязательных для всех правил игры, то «властная плазма» строится на основе коррупции. Именно коррупционный механизм, механизм передела финансовых и материальных средств является важнейшим измерением «властной плазмы». В известном смысле коррупция и есть плазма, в которой протекают конфликты – переделы. Коррупция – это среда, в которой развертывает себя в пространстве и времени «государство». По всей видимости, сегодня мы проживаем эпоху перманентной коррупции (она пришла на смену эпохе «перманентной революции»), которая не есть девиантность, но норма нашего бытования⁵...

Однако вернемся к Л.М. Тимофееву. Послушаем его: «В России нет сегодня социальной основы для демократии. Намеренно и расчетливо ей не дают возникнуть. Ее подавляют как раз те силы – явные и тайные, – которые так ловко сумели расстаться с мертвой коммунистической доктриной, но сохранили право безраздельно распоряжаться всеми богатствами страны. Теперь они хотят не только контролировать экономику, но и в прежних объемах восстановить свой контроль над обществом. И, видимо, это им удастся. Они многому научились. Они дадут возможность мелким собственникам накормить страну. Они прекрасно понимают, что сегодня прямо и грубо отвергать интересы общества нельзя. Но хотя “человеческий фактор” по-прежнему нельзя изъять из политических расчетов, оказывается, сегодня им проще манипулировать.

Вновь зазвучало: “Отечество в опасности!” Но если прежде опасность была мнимой, то теперь она вполне реальна: развал прежнего Союза, конфликты межнациональные и межгосударственные создают угрозу и самой российской государственности... Экономический кризис грозит непредсказуемыми социальными столкновениями и беспорядками – это ли не реальная опасность для Отечества? Добавим, что национальная «русская идея», пребывающая прежде как бы в состоянии некоей политической дремы, теперь получает священную силу охранительного знамения...

Все! Перестройка успешно завершилась. Цели, ради которых властные структуры начала восьмидесятых годов решились на реформы, теперь достигнуты: экономические и политические связи и структуры, возникшие и укрепившиеся в условиях черного рынка, все чаще узакониваются открыто. Искаженные отношения собственности выправляются в процессе приватизации... Какой же режим в ближайшем будущем установят в России... те силы, которые сохранили в своих руках основные структуры государственной власти, сохранили монополию

⁵ Норма нашего больного бытования.

распоряжаться экономикой и контроль над социальными процессами? Судите сами. Можно было бы сказать, что это будет фашизм или что-то похожее на фашизм... Но в истории рискованно давать названия, оперируя опытом прошлого. Если и фашизм, то «нашенский», российский, еще не виданный в истории человечества, еще не названный, – фашизм, выросший в процессе легализации всеобъемлющей системы черного рынка.

“Человеческий фактор” – это мы с вами. Мы и будем фашистами. Мы и будем до последнего дыхания противостоять фашизму, как некогда противостояли коммунистической доктрине. Каковы будут формы этого противостояния, покажет время» (11, с. 233–235).

Подведем итоги. – Когда-то А. Безансон открыл нам: коррупция хотя и болезнь, но через нее, пусть и окольным путем, идет выздоровление коммунистического общества. Продолжатель его дела Л. Тимофеев показал, что ныне коррупция гробит наш социум, нас с вами. К тому же она может завести страну в ловушку «русского фашизма».

И еще одно соображение. И при советском режиме, и при нынешнем, постсоветском, для их спасения призываются чекисты. Причем по тем же примерно соображениям. Именно они должны восстанавливать порядок, эффективность, справедливость, честность и чистоту, наконец. Поэтому мы с полным правом можем назвать их наиболее эффективным морально-хозяйствующим субъектом России конца XX – начала XXI столетия. И если коммунистический эксперимент в конечном счете оказался неудачным, то гебешно-фээсбешный проект – пока – реализовался на славу (нам и на страх врагам...).

...Решимся все-таки еще раз заговорить о «советском», его исторических корнях, содержании. Для этого совершим небольшой экскурс в европейскую и русскую историю. И сколь «экзотичным» он бы ни показался, не сомневаюсь в его значении для нашей темы.

О бюргерском и черносотенном

Раскол западной церкви произошел в начале великого перехода от традиционного общества к современному; более того, он был одним из важнейших (если не важнейшим) первых актов этого перехода. Далее раскол вылился в кровопролитную войну, а затем завершился компромиссом. «Север» и «Восток» Европы склонились к протестантизму, ушли в «раскол». «Юг» и «Запад» остались верны католической конфессии. Югу не нужна была Реформация, первоначальный импульс которой – возвращение к аутентичному первохристианству. У «южан» (латинян) было свое возвращение – Ренессанс. Так, актуализируя прошлое, Европа двинулась вперед.

Протестантизм – это и есть изменение вперед, это – самоограничение ради самореализации, это психологизация, т.е. индивидуализация веры, поведения, это – индивидуализированная полисубъектность. Короче, это новый человек, порождающий новый мир. «Выдвинув положение о том, что человек не нуждается в посредничестве для общения с Богом, он (Лютер. – Ю.П.) заложил основы европейской демократии, ибо тезис “Каждый сам себе священник” – это и есть демократия»⁶. Каждый сам себе священник – это приватизация сакрального. Человек создает **свой потусторонний мир**.

В 1516 г. (чуть-чуть раньше Лютера) выступает Томас Мор (вот кому всегда были отданы моя любовь и восхищение) со своей «Утопией». Происходит переход из пространства в У. Торос (место без, вне пространства). Развязывается связность «места» и «порядка». Согласно К. Шмитту, эта связность и была основой феодализма, на ней он покоился (ср.: А. Токвиль «Старый порядок»). Происходит снятие сакрально-властной локальности (это и есть феодализм; Средние века), раскрепощение пространства и выход из него. Отныне социальная жизнь человека не связана с локальным пространством. Ему принадлежит весь мир. В нем простран-

⁶ Манн Т. Собр. соч. – М., 1961. – Т. 10. – С. 311.

ство психологизировано, т.е. индивидуализировано. Индивид обретает возможность выбора в пространстве. **Человек создает свой посюсторонний мир.**

В эти годы Макиавелли (1513–1520 гг. – расцвет его творчества) движется в том же направлении, что Лютер и Мор. Но опыты флорентийца касаются не веры и пространства, а власти. В «Рассуждениях» он говорит: «Судьба всегда на той стороне, где лучшая армия». А «лучшая армия» у того нового типа власти, который возникал тогда в некоторых южных и западных частях Европы. Макиавелли дает ему название – «stato» (вот она триада раннего Нового времени: «sola fide», «Utopia», «stato»). Это – динамический компромисс борющихся «начал» (различных социальных сил) и одновременно деуниверсализация властного, его, так сказать, конкретизация. А также психологизация, т.е. индивидуализация власти.

Но эпоха Лютера–Мора–Макиавелли этим не исчерпывается (мы намеренно ничего не говорим о живописи, архитектуре, скульптуре: это увело бы нас далеко...). В 1510 г. в Нюрнберге созданы первые карманные часы со стальной пружиной (на мой взгляд, по силе социального и психологического воздействия это не менее значимо, чем Лютерово открытие). В 1522 г. завершено первое кругосветное путешествие (ср. с открытием Мора). В 1525 г. в битве при Павии испанцы разгромили французов (пленение Франциска I). Это была первая победа ручного огнестрельного оружия (фитильные мушкеты)⁷ над холодным. Начиналась новая эра – эффективных убийств, «лучших армий», современных государств (Макиавелли).

Вернемся к Лютеру. И отметим – нам это понадобится впоследствии, – что протестанты, отколовшись от Рима и его вселенской власти, нашли опору в местных властях, формирующихся «stati». Раскольники оказались в рамках союза трона и алтаря...

А что у нас на Руси о те же времена? Русский раскол произошел на самых последних, завершающих стадиях Великой самодержавно-крепостнической революции. Соответственно, он не мог повлиять на становление нового порядка (другое дело, что нанес смертельный удар по Московской Руси и «породил» Петра I). Правда, в Лютеровы примерно годы у нас тоже был раскол (хотя эти события никто так не квалифицирует). Речь идет о знаменитой пре между иосифлянами и нестяжателями. Конечно, он был иным, чем в конце XVII в. Однако в нем проглянули черты будущего. В иосифлянах нетрудно обнаружить прообраз никониан, а нестяжатели – это, безусловно, порыв к автономии личности, выявлению индивидуальности, выход из-под тотального контроля формирующейся Власти. Но раскол рубежа XV–XVI вв. закончился победой сторонников привластной церкви (как, впрочем, и раскол-2); к тому же настоящего раскола как результата этой дискуссии удалось избежать. Арбитром выступила власть. Победил тот, кого она поддержала.

И здесь явился Филофей. Если его идеи поставить в контекст тогдашней Европы, мы узнаем в нем анти-Лютера, анти-Мора и анти-Макиавелли. Перефразируем Т. Манна: когда Филофей сказал, что царь есть главный священник, тогда началось самодержавие. Москва последняя (другой не будет) хранительница истинной веры, а на Москве – царь. Рождается сакральный моносубъектный мир. Москва – единственный в мире сакральный топос, все остальные земли «нечестивые». То есть и пространство сводится в сингуляр, в монотопос, монолокус. И Власть не предполагает никаких компромиссов соперничающих «начал», социальных сил. Она их искореняет.

Кстати, и у нас в начале XVI в. возникает своя триада: «Мнение есть падение» (Иосиф Волоцкий), «Москва – Третий Рим» (четвертому не бывать), «Царь–Священник».

Через некоторое время приходит Иоанн IV. В известном смысле – мечта Филофея. Таким должен был быть чаямый им царь-священник. Важна и фигура Ивана Пересветова. Его

⁷ Интересно: как быстро в те вроде бы небыстрые времена оружие распространялось по миру. Уже в 1552 г. при взятии Казани отличились стрельцы с фитильными пищальями и мастера минного дела (тоже pow how) (последними командовал Иван Выродков – во фамилица!; это когда въезжаешь из Латвии в Ленинградскую область, первая железнодорожная станция – «Пыталово»; так сказать, «Добро пожаловать!»). А через семь лет (1559) фитильные ружья стали производить в Японии...

властно-социальный идеал Н.Н. Алексеев, выдающийся политический и правовой теоретик 20–50-х годов ушедшего века, называл «своеобразным московским фашизмом», «восточным фашизмом». Сам же Пересветов, как мы знаем, ориентировался на находящуюся тогда в расцвете и экспансии Османскую империю, ее порядки. Он хотел строить в России социальную народную монархию (Н.Н. Алексеев). Все это было прямо противоположно тому, что с легкой руки Макиавелли (и других, скажем, Бодена) делалось в Европе.

Повторим и усилим: в XVI в. Европа освобождает индивида от крепостной зависимости локусу («закрепощенное пространство», «закрепощенный пространству») и крепостной зависимости Вечности (через Римскую церковь). Отныне путь европейца – социальная темпоральность и завоевание нелокализованного мирового пространства. В России идет процесс освобождения власти из-под Земства и Традиции (народ–в пространстве), т.е. становления Власти (Орды). Ключевую роль здесь играет опричнина. Итак, в Европе рождается Человек, здесь Власть. Эпоха Гуманизма и Кратизма. Там действует инквизиция, казнят «еретиков» – за веру. Идут кровавые религиозные войны – за веру. Здесь казнят «еретиков», отпавших от Самовластия. Там за желание быть Человеком (за религиозный выбор), здесь – не быть на сто процентов под Властью.

Важным этапом нашего созревания была Смута (мы уже говорили об этом, но – повторим...), которая обычно сводится к бессмысленно-беспощадному бунту, войне всех против всех и т.п. Но наряду с этим у Смуты была и своя «правда». Это ведь был бунт и против Самодержавия, и крепостного порядка, а также движение к ограничению власти и т.п. Однако это эмансипационное начало в конечном счете было задавлено. Дорога к установлению полного, завершеного крепостнического самодержавия оказалась открытой.

Церковный раскол, с определенной точки зрения, был продолжением этой тенденции. Русь как бы «очищалась» от тех, кто не вполне соглашался с установлением такого порядка. Старообрядцев, людей твердых, страстных, мужественных, столь же и узких, фанатичных, нередко экзальтированных, но не «стандартных», вышибли из русской истории на двести с лишним лет. Конечно, безо всяких натяжек мы найдем общее как в этике протестантизма, так и в этике старообрядчества. Не случайно запоздавший русский капитализм во многом вышел из старообрядческих общин и во многом был ими оплачен. Тем не менее двести лет в «резервациях», на обочине исторической жизни – не лучший вариант для рождения «человека открытого», человека современного.

Никониане, взяв верх в церкви, нашли полную опору в государстве, а затем и вовсе были этицированы. Они же обладали монополией на истину. А «истина» в конце XVII в. уже предполагала «прогресс», «новое». Петр, будучи «следствием» результатов раскола, сделал то, что должны были – по европейской логике – русские протестанты–старообрядцы. Но победили они, мирское еще больше подпало бы под сакрально-бытовое. – А первому императору Русь была не нужна, он строил Россию–Империю, ее же и секуляризировал. А ту, московскую, посконную, черносотенную задвинул в рабство.

Мы еще забыли сказать про «Домострой», который во многом вылепил русского человека. Он его и дисциплинировал, и ограничил, и закабалил, и воспитал. Это было обуздание варвара и решительный шаг в деле превращения русского в раба. Это был апофеоз обязанностей, без каких-либо прав. И здесь прочитывается нечто протестантское, но превалирует все-таки *esprit* крепостническо-самодержавного порядка.

Что же получилось в Европе? Т. Манн полагал определяющим **бюргерскую культуру**. Культуру свободного городского человека. Кстати, великий писатель явился и ее глубочайшим критиком; ей он выставлял счет за нацизм и многие другие германские уродства. Конечно, Европа больше и сложнее Германии, но в целом ситуация была схожей.

В России в XX в. историческим наследником и того, о чем мы уже сказали, и того, о чем будет сказано дальше, стала **черносотенная культура**. Подчеркну: одноименные ради-

кально-погромные организации начала XX столетия лишь небольшой «раздел» этой культуры. Черносотенство есть социальный мейнстрим русского общества при переходе его из традиционалистско-сельского к современно-городскому. Это культура масс, рвущих со своим прошлым, чуждых идей и ценностей «Hochkultur» и духа модерности. Это социальный феномен, как бы застрявший (если смотреть с европейской точки зрения) между традиционализмом и современностью. Но это европейский взгляд. У нас это именно мейнстрим. Черносотенец принадлежит не деревне и не городу (советские деревни и советские города не деревни и не города ни в каком, в том числе и в русском, смысле). Советизм есть воплощенное черносотенство. Революция в России окончилась победой черносотенцев. Причем возобладал красный, а не белый вариант (впервые это различие дано П.Б. Струве в еще дореволюционные годы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.